

Олеся Николаева

Жизнь продолжается

Сто чудесных,
утешительных, поучительных
и необычайных историй

Олеся Николаева

**Жизнь продолжается. Сто
чудесных, утешительных,
поучительных и
необычайных историй**

«Никея»

2025

УДК 821.161.1
ББК 86.372

Николаева О. А.

Жизнь продолжается. Сто чудесных, утешительных, поучительных
и необычайных историй / О. А. Николаева — «Никея», 2025

ISBN 978-5-907984-93-6

Новая книга Олеси Николаевой «Жизнь продолжается» — череда историй, свидетелем или участником которых она была и которые повествуют о том, что человек не покинут в мире, не одинок: он под присмотром Промысла Божьего, спасительного, милующего, просвещающего, но и взыскующего. В этом и заключается писательский талант — разглядеть в суете и попечениях будничной жизни следы присутствия Божьего, познать Его Красоту и Премудрость. «Извлечь драгоценное из ничтожного» (Иер. 15: 19), по слову пророка Иеремии. И исполниться благодарности к Господу — чувства, которое автор считает основой основ личного бытия. Олеся Николаева — автор многих книг стихов, прозы и эссеистики, лауреат Национальной премии «Поэт», Патриаршей литературной премии, премии Правительства РФ в области культуры, Национальной премии «Слово».

УДК 821.161.1
ББК 86.372

ISBN 978-5-907984-93-6

© Николаева О. А., 2025
© Никея, 2025

Содержание

Предисловие	6
Семейное богословие	8
«Семейные ценности»	9
Помощь императрицы Александры Федоровны	11
Семейные предания	12
Чудесное спасение	13
Украденные валенки	14
Бабушки	15
Постница	18
Пионерский галстук	19
Чудесная встреча	21
Водительство свыше	22
Как я завоевывала моего мужа	23
Воспоминания о будущем	26
Преображенный блеф	27
Жестоковыйный иронист	32
Наставник	36
Сожженные записи	40
Qui Pro Quo	41
Подворье	43
В колонии для малолеток	44
Объятье	46
Воля к жизни	48
Чудесное исцеление	49
Яд среднеазиатской гюрзы	50
Семейное богословие	53
Семейные поговорки	54
Восхождение	58
Страж при иконе	62
«Чудо! Чудо!»	65
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Олеся Николаева
Жизнь продолжается
Сто чудесных, утешительных,
поучительных и необычайных историй

* * *

© ООО ТД «Никея», 2025

© Николаева О.А., 2025

* * *

Предисловие

Писатель Алексей Варламов, написавший рецензию на мою книгу чудесных историй «Небесный огонь», назвал меня там в шутку «православной Шехерезадой» и посетовал, что, как ему показалось, все чудесные истории у меня оскудевали, а то и заканчивались к середине двухтысячных.

Это показалось мне не вполне справедливым, и я написала продолжение – книгу «Господи, что с нами будет?», которая вышла в 2017 году.

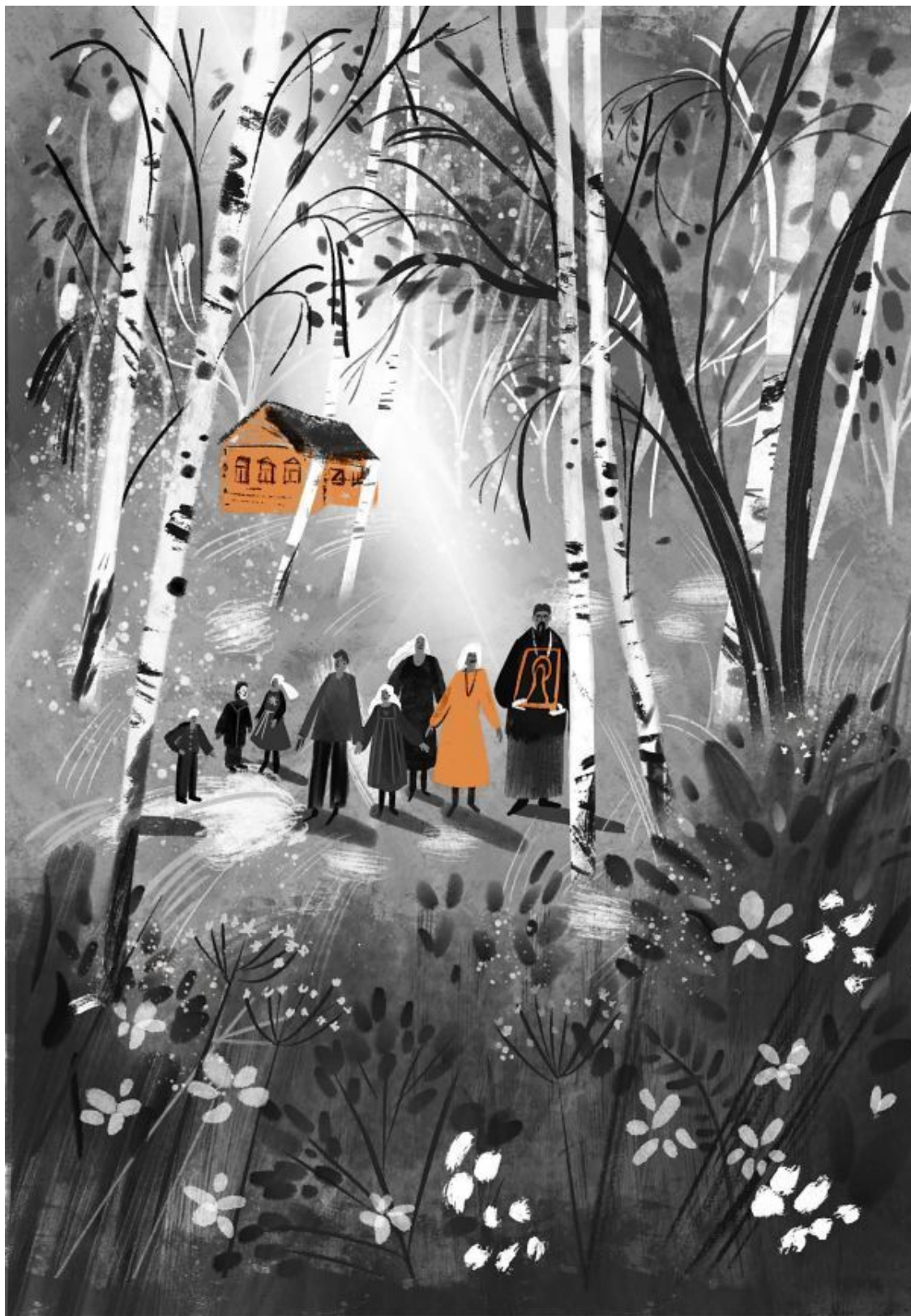
С тех пор прошло немало лет, совсем не простых для русского человека: два ковидных года затворнической жизни в тревоге за жизни родных и близких людей, а затем – страхи, связанные с СВО, с судьбой России. Пережить эти годы без помощи Божьей, тайной и явной, и при этом не впасть в уныние было делом непосильным смертному человеку. Но и тут Господь не оставлял нас своим милосердным вниманием, то посылая новые удивительные истории, то открывая потайной смысл в сюжетах прошедшего, который до этого был недоступен для понимания.

Карантин с дистанционными занятиями по интернету в институте, где я работаю, почти вовсе лишил меня привычного общения с моими студентами, друзьями, читателями, отменил все намеченные поездки и по России, и по Европе и располагал к жизни малоподвижной и созерцательной, позволяющей заглянуть в самые отдаленные и потайные уголки прожитой жизни и пристально рассмотреть то, что раньше проходило незамеченным, но было, безусловно, достойно внимания как свидетельства Божественного присутствия в русской жизни. Да и наша классика, к перечитыванию которой располагало время, обязывавшее пребывать в родных стенах, давала пищу уму и сердцу и раскрывала действия Промысла в человеческом существовании, пусть и преображенном в литературном слове.

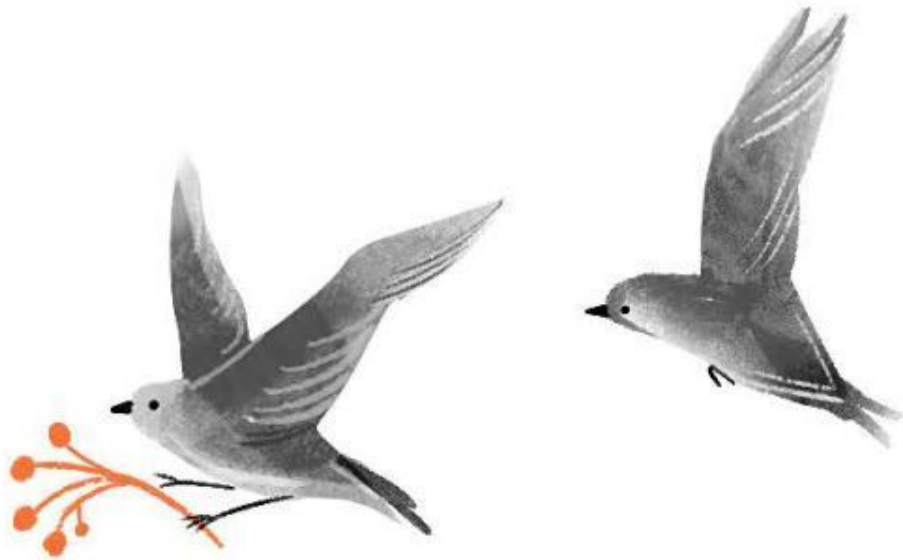
Это сознание не-случайности всего, что с нами творится, помогает принять реальность как предуготовленную нам свыше и исполненную глубокого смысла и укрепить наши души мужеством и терпением.

...Потому что мы в небесной драме
не зеваки с улицы, не сброд
и не самозванцы, каблуками
выбившие дверь на черный ход.

Ибо мы – ее живые участники!
И если книга моя хоть немного поспособствует этому пониманию, то она принесет читателю утешение, а порой и улыбку.
Жизнь продолжается!

Семейное богословие

«Семейные ценности»

Недавно меня пригласили на «круглый стол», посвященный семейным ценностям. В зале сидело немало писателей, а также студентов Литературного института.

Началось все с рассказа писательницы, которая и вела этот «круглый стол», о том, как ей как бы случайно, а на самом деле промыслительно открылось, что ее родной дед был похоронен в Харбине. Вскоре чудесным образом ей представилась возможность поехать в Китай по писательским делам, она добралась до Харбина, попала на кладбище, где хоронили эмигрантов, и почти сразу, словно ее кто-то повел, нашла могилу своего деда.

Этот зов рода из глубины прошлого века настолько ее поразил, что она, исполнившись чувством связи со своими предками, вернувшись на родину, стала изучать в архивах сведения о них и писать об этом. Это была преамбула к разговору о незыблемых ценностях рода и семьи, в которых заключены любовь, милосердие, отзывчивость, благодарность, чувство взаимопомощи и самопожертвования.

На ее выступление тут же откликнулся писатель N, который добавил в ее рассуждения изрядную ложку дегтя.

– А как же воровские семьи? Семьи уголовников или мафиози? Аль Капоне с его семьей? Где тут ценности?

«Круглый стол» сразу потерял свою округлость, выставив острые углы, потому что вслед за N с его каверзными вопросами слово взял публицист X., тут же подхвативший тему разбойничьей семьи.

– И вообще, – добавил он неожиданно, – я думал, что попал на писательскую дискуссию, а оказался на комсомольском собрании.

Было непонятно, что именно так его раздражило и по какой причине рассказ о найденной могиле дедушки напомнил ему собрание коммунистической молодежи.

– А ведь как это было, – кипятился он, – жена приходила в партком жаловаться на загулявшего мужа и требовала, чтобы ему это поставили на вид и заставили вернуться в семью.

У сидящих в зале стали возникать смутные подозрения об испытанном некогда X. личном опыте, не самом приятном...

– Так что все эти хваленые «семейные ценности», в кавычках, весьма сомнительного достоинства, – заключил он.

Честно говоря, я и не собиралась выступать, видя, как много там желающих сказать свое слово, но тут меня подхватила какая-то волна, и я поднялась с места.

– Вы путаете два плана – онтологический и моральный. Семейные ценности являются самыми что ни на есть объективными, заложенными в основу человеческого бытия, – начала я. – Семья была создана Творцом еще в раю, когда Бог сказал: «Нехорошо быть человеку одному» – и сотворил для Адама Еву, жену, плоть от плоти его, чтобы они стали плотью единой, и наказал им плодиться и размножаться.

А вот то, о чем вы говорили, воровские или мафиозные семьи, – это искажение уже падшего мира, но отнюдь не отмена семейных ценностей как таковых, ибо и там есть и солидарность, и взаимовыручка, и самопожертвование.

Это можно для наглядности проиллюстрировать сравнением, скажем, с молотком – вещью безусловно хорошей и нужной. Но при этом молотком ведь можно и убить... Значит ли это, что он не имеет ценности? Или, например, дерево... Оно прекрасно само по себе, но ведь оно может и упасть, задавив человека... Или даже сам человек, созданный по образу и подобию Божьему. Но и он, падший, искаживший свое предназначение, может стать грешником, а то и насильником и убийцей. Но это не отменяет его Богоданную ценность.

Так и с семьей. И недаром все революционеры и террористы, начиная с народовольцев и далее, включали в свои партийные программы отдельным пунктом разрушение семьи как репрессивного инструмента. А нет семьи, нет и общества как такового.

Нет общества – и распадается государство, чего они и добивались.

И тут раздался голос из зала. Говорил незнакомый мне студент: – А Христос вообще был против семьи! Он говорил: «Если кто приходит ко Мне и не возненавидит отца своего и матери, и жены, и детей, и братьев, и сестер, а притом и самой жизни своей, тот не может быть Моим учеником».

Мне было жаль, что этот знаток Евангелия так своеобразно понял его, и я было хотела тут же ответить на это весьма подробно и пространно, но, к сожалению, меня и так подтачивало чувство неловкости за то, что я своим выступлением отняла много времени, поэтому я просто сказала:

– Вы неправы. – И спросила: – А какое самое первое чудо сотворил Христос?

Студент замялся:

– Он претворил воду в вино на браке в Кане Галилейской.

Я вышла на улицу, села в машину, но разговор настолько меня впечатлил, что всю дорогу домой – через сумерки, смуту и пробки – я произносила бурный внутренний монолог. История с найденной в Харбине могилой дедушки прочно срифмовалась с моим семейным сюжетом, когда моя дочь Александрина, также по неведомому зову, со смутным, но настойчивым чувством долга в груди, отправилась неведомо куда на поиски своих предков-священников и наконец попала в храм, где в раке покоились мощи святого праведного Алексия Бортсурманского, как выяснилось, приходившегося ей родным прапра (пять раз) дедушкой. Об этом она написала книгу «Видимое невидимое», которая была издана несколько лет назад в издательстве Сретенского монастыря, а по книге был создан и показан на телеканале «Культура» документальный фильм с одноименным названием. И вообще, поскольку и семья моих родителей, и моя собственная семья всегда были неотъемлемы от меня, я никогда не думала о семье отвлеченно и только сейчас, возвращаясь с «круглого стола», почувствовала, каким великим даром она является сама по себе!

И все конфликты, и все искривления во внутрисемейных отношениях могут быть искоренены ее здоровой метафизической основой. Воистину это «малая Церковь», «царский путь», и блажен человек, который избирает и не сворачивает с него, оборачиваясь назад – к предкам и неся заботу о потомках. Разветвленное родовое древо глубоко уходит корнями в родную почву и касается кроной самых небес.

Моя дочь составила его, насколько это было возможно ввиду уничтоженных после Октябрьского переворота архивных и даже семейных свидетельств. Нарисованное на большом ватманском листе, где каждое поколение было окрашено особым цветом, оно предстало в виде впечатляющей яркой картины. Показав ее своим ученикам и подросткам, посещающим музей, который Александрина создала в селе Курмыш, где служило несколько поколений ее предков-священников, она предложила каждому воссоздать собственное подобное родовое древо. Из этого начинания возникло некое подобие движения: изучение родословных, семейных преданий, родной истории. А это, в свою очередь, дало участникам ощущение собственной укорененности в бытии, ощущение контекста собственного существования, словно каждый оказывался вписанным в родовую и общенациональную «Книгу Жизни».

... Что касается моей родословной, то я ее знаю смутно и весьма приблизительно, не далее дедов-прадедов. Во времена, когда еще были живы мои бабушки и прабабушка, меня это не настолько интересовало, чтобы расспрашивать их с пристрастием и дотошностью. Да и они если и рассказывали о каких-то исключительных случаях своей жизни, то обрывочно и как бы между прочим. Но несколько поразивших меня историй я все же крепко запомнила и бережно положила в драгоценный ларчик моей памяти.

Помощь императрицы Александры Федоровны

Прабабка моя Леокадья Гавриловна была родом из Польши. По рассказам ее дочери, а моей бабы Нади, жила она в поместье Щипиорно, под Варшавой, где неподалеку стоял полк моего прадеда, царского полковника. Он увидел юную красавицу-польку, влюбился в нее, сделал предложение и получил согласие. Видимо, дальше то ли его военная карьера не сложилась, то ли он сам подал в отставку, но вскоре после свадьбы увез молодую жену в свое имение в Тамбовской губернии.

Во время Первой мировой войны он ушел на фронт и погиб в бою. А Леокадья Гавриловна осталась с тремя детьми – Александром, Георгием и Надеждой – в русской глуши. По-видимому, имение прадедушки было захудалое, потому что молодая вдова оказалась без средств к существованию, без связей, без покровительства. Она была в отчаянье, поскольку мальчикам пора было уже дать хорошее образование, а возможностей для этого у нее не было. И тогда она решилась на безумный шаг. Как рассказывала баба Надя, ее мать буквально бросилась под колеса кареты, в которой, совершая поездки по России, завернула в Тамбов императрица Александра Федоровна, и передала ей прошение на высочайшее имя, умоляя оказать покровительство сиротам, сыновьям погибшего в боях полковника.

Ее прошение было милостиво исполнено, и мальчики, шестнадцати и семнадцати лет от роду, были зачислены в Инженерное Николаевское училище в Петербурге, куда следом за ними перебрались и Леокадья Гавриловна с маленькой Наденькой, моей будущей бабушкой.

Семейные предания

А надо сказать, что прабабушка моя, Леокадья Гавриловна, выйдя замуж за русского полковника, перешла в Православие и была человеком церковным. У них с моей бабой Надей в каждой комнате в красном углу стояло много старых икон, особенно они почитали, помимо Господа и Матери Божьей, преподобного Серафима Саровского и святого Димитрия Солунского. Почему именно Димитрия, я не знаю, а вот преподобный Серафим являл им свою чудесную помощь.

Баба Надя рассказывала мне, что ее младший сынок, а мой отец, в младенчестве потерял зрение. И они с Леокадьею Гавриловной, моей бабой Лидой, очень молились преподобному Серафиму об его исцелении. И одной из них в тонком сне привиделся преподобный, который повелел положить мальчику на лицо икону Божьей Матери. Совет показался им абсурдным: мальчик был мал, а икона в окладе – большая и тяжелая. Но сон повторился, и они не посмели ослушаться. Сняли икону со стены и, перекрестясь, накрыли ею младенца. И он прозрел!

Была еще одна поистине чудесная история с сыном Леокадьи Гавриловны – Александром. Во время Отечественной войны он как военный инженер оставался в блокадном Ленинграде при своем военном заводе, а его брат Георгий, которого все звали Жорж, ушел на фронт. Вся семья его умерла от голода, и Александр, мой дедушка Шура, понимал, что подобная участь угрожает и его жене с двумя крошечными сыновьями. Сидел он ночью на своей кухоньке, сломленный горем и утративший надежду, и мрачно смотрел в темноту. И вдруг ему явился преподобный Серафим и сказал:

– Не тужи. Завтра же выведу и тебя, и твою семью из города.

А надо заметить, что дедушка Шура был человеком реалистичным, ироничным, сам себя считал агностиком, и явление преподобного Серафима никак не вписывалось в его картину мира. Но на следующее утро поступил приказ об эвакуации завода, на котором он работал, ему предписывалось покинуть вместе с ним Ленинград и дозволялось взять с собой семью.

Удивительно, но дедушка Шура до конца жизни оставался таким Фомой неверующим, однако однажды посмотрел на меня таинственным взором и поведал срывающимся голосом о чудесном и спасительном явлении ему преподобного Серафима. Кажется, он даже постарался тайком вытереть слезу.

А если учесть, что предок моего мужа – святой праведный Алексей Бортсурманский – был хорошо известен преподобному Серафиму и тот посылал к нему людей, приезжавших из окрестностей Бортсурман, со словами о том, что у них есть свой молитвенник и чудесный помощник, то наш брак с отцом Владимиром тоже нельзя назвать просто случайностью, затянувшейся уже на половину столетия.

Чудесное спасение

Отец мой остался в живых на войне как бы случайно, а на самом деле – благодаря чудесной помощи преподобного Серафима Саровского.

Это было под Гданьском (или Данцигом), где он, девятнадцатилетний лейтенант, командовавший артиллерийской батареей, выбрав дислокацию возле кирпичной стены полуразрушенного дома, которая закрывала его пушки с тыла, принял бой с фашистскими танками. Однако эти танки дали по ним такой залп, что вся батарея вместе с пушками полегла и оказалась смешанной с землей, и папа был убит. Последнее, что он помнил, – чудовищный взрыв, вспышка огня, а потом все затихло и погасло, и он отошел во тьму. Но вдруг, точно так, как это записано со слов пациентов, переживших клиническую смерть, в книге Моуди «Жизнь после смерти», он обнаружил себя в длинном открытом фургоне, мчащемся с огромной скоростью по тоннелю, и вокруг звенели бубенчики, а впереди был свет. И тут навстречу ему вышел старичок, который перегородил собой путь, остановил фургон и сказал:

– Стоп! Ты куда? Тебе еще рано. Возвращайся.

И папа очнулся на операционном столе.

А как раз в это самое время, когда фашистские танки долбанули по папиной батарее, его друг по артиллерийскому училищу, тоже девятнадцатилетний лейтенант Павлик Агарков, занявший со своей батареей высоту в нескольких километрах от того места, где шел бой, с тревогой слушал далекий грохот этой смертельной битвы. Как только утихли звуки и упала тьма, он решил на свой страх и риск отправиться туда, чтобы хотя бы похоронить друга и потом сообщить его матери о месте могилы. Добравшись до обвалившейся кирпичной стены, он откопал папино бездыханное и залитое кровью тело и потащил его к ближайшему кусту, чтобы там выкопать яму и предать земле останки своего юного друга. И пока он его тащил, тяжело и неловко (сам маленький ростом, от силы метр шестьдесят, а папа высокий – метр восемьдесят два), у папы вдруг согнулись в коленях ноги. Павлик наклонился над ним – ба, да он живой! И потащил его в ближайшую польскую деревню, где было нечто вроде санчасти.

Врач лишь взглянул на папу и отвернулся, дав Павлику понять, что тот – не жилец и что не стоит и затеваться. Но Павлик приставил пистолет к его голове и сказал: «Действуй». Врач стал объяснять, что очевидна огромная потеря крови, гангрена, надо отнимать правую руку, случай безнадежный. Но Павлик все держал в руке пистолет и повторял: «Возьмите мою кровь». Врач положил папу на операционный стол, принялся омыwać раны, повторяя, что у раненого первая группа крови, а у Павлика – третья и вообще это все дохлый номер... И тогда польская девушка-медсестра, посмотрев на папу с жалостью и любовью, сказала:

– Такой молодой! Такой сличный! У меня первша группа! Возьмите мою.

Вот папа и очнулся на операционном столе рядом с ней.

– А кто же был тем старичком, который тогда вышел тебе навстречу и вернул назад? – спросила я у отца.

– Я тоже поначалу думал, кто же это такой – вроде очень знакомый, даже родной, а вспомнить никак не мог. А потом понял, где я видел его. На иконе, дома, в красном углу. Это он когда-то повелел маме и бабушке положить мне икону на лицо, и она чудесной силой исцелила меня в детстве от слепоты.

Украденные валенки

В декабре 1943 года восемнадцатилетний папа ехал на поезде из Томска, где он окончил артиллерийское училище в звании младшего лейтенанта, с такими же, как и он, необстрелянными ребятами. И направлялись они в Москву, а далее – на фронт. В том же вагоне моя бабушка везла из эвакуации своих дочерей – мою одиннадцатилетнюю маму и мою девятилетнюю тетку Лену. Было холодно и страшно. Но молоденькие офицеры, занимавшие тот же вагон, пели, шутили и курили. Говорили о поэзии. Читали стихи. Мама тоже – умная девочка – что-то прочитала. Потом получает она записочку от одного из этих молодых людей. На газетном срезе нацарапано карандашом: «Вернусь с победой – ты будешь моей женой». Мама взяла карандаш и написала там же внизу печатными буквами: «Дурак!» С тем и отдала бумажку солдатику.

Меж тем пора было укладываться спать. В плацкартном вагоне было холодно, много народу, яблоку негде упасть. Короче – бабушка уложила Лену прямо в валенках, ногами к проходу. А когда они проснулись, оказалось, что кто-то ночью украл валенки, сняв их со спящей девочки. Тогда бабушка отрезала рукава своей шубы, зашила их и надела Лене на ноги.

... Через 20 лет папа, фронтовик, инвалид войны, молодой поэт, студент Литературного института, сидел преспокойно дома с женой и тещей. Ужинали и рассказывали всякие истории, связанные с войной. И папа вспомнил, как он ехал после окончания училища в Москву, а потом и на фронт и у них в вагоне со спящей девочки сняли валенки, и тогда, чтобы обуть ее босые ноги, ее мать отрезала рукава от шубы...

Бабушка изменилась в лице, посмотрела на него каким-то новым взглядом и ахнула. И стала описывать этих молоденьких офицериков, которые шутили и читали стихи... Тогда уже папа как-то странно изменился в лице, молча встал, где-то порылся и извлек крошечную бумажку – газетный срез. Он развернул и протянул молодой жене. Она прочитала: «Вернусь с победой – ты будешь моей женой».

А внизу было выведено неровными печатными буквами: «Дурак!»

Бабушки

Мои бабушки – мамина мама бабушка Лёля и папина баба Надя – были не просто разные, но в некоторых вещах – противоположные личности и по характеру, и по поведению, и по взглядам на жизнь.

Лёля происходила из семьи кубанских казаков, людей вполне состоятельных, училась в гимназии, где изучала языки, вплоть до греческого и латыни, но была вместе с другими гимназистами и гимназистками распропагандирована большевистским агитатором и, в чаянье новой жизни, обещанной им, взялась за распространение революционных листовок. А с агитатором за идеологическое совращение малолетних казаки поступили буквально по слову Евангелия: «А кто соблазнит одного из малых сих, верующих в Меня, тому лучше было бы, если бы повесили ему мельничный жернов на шею и потопили его во глубине морской». Но на бабушку это оказало очень сильное воздействие, и она, еще совсем юная, вступила в партию большевиков и до самой смерти, уже лежащая больная, все беспокоилась, переслали ли в компартию ее вносы.

А вот моя бабушка Надя, напротив, никогда не забывала, что она дворянских кровей, родом из Российской империи. Она очень любила, когда папа знакомил ее с кем-то из своих друзей, а те «прикладывались к ручке» и говорили ей комплименты. Она была страстной читательницей русской классики и современных романов, но особенно любила собрания сочинений Писемского, Мельникова-Печерского, Лескова, ну и, разумеется, Достоевского с Толстым, которые уносили ее в блаженное Отечество, в которое иным способом было уже никак не попасть.

С большим удовольствием ходила на вечера поэзии. А когда мой папа выступал с чтением стихов, она, не в силах удержаться, склонялась к слушателям, сидящим рядом, и как бы невзначай произносила: «Это – Шурик, мой сын!» И вытирала платочком затуманившиеся слезой глаза.

Потом стала ходить и на мои выступления, тем более что в буквальном смысле приложила руку к моему раннему стихотворчеству. Как-то раз она ночевала у нас и поутру, когда я ушла в школу, решила убраться на моем письменном столе, заваленном перечеркнутыми страницами и листочками: это я «пробовала перо», пытаюсь писать стихи. Когда я вернулась домой, все это бумажное имущество оказалось сложенным в аккуратные стопочки, а посередине стола лежал листок с не оконченным мною стихотворным опусом. А под ним почерком бабы Нади приписан финал:

Это же волшебно и празднично —
Плыть по лунной дорожке.
Плыть с другом рука об руку.
Быть молодой, хорошенькой
И шаловливой школьницей!

Так она от души помогла мне завершить недописанное.

Но вот для бабушки Лёли это был невозможный поступок – рыться в чужих бумажках, а уж тем паче что-то приписывать на них от себя.

Она была великая труженица. Работала она и в издательстве «Московский рабочий», и в ТАССе, где в 1941 году руководила его эвакуацией. Но этому предшествовали тяжелые времена, когда ее уволили с работы за то, что она вступилась за своего однопартийца, насколько мне помнится, по фамилии Маслиев, обвиненного как врага народа. Увольнение бабушки с работы было наилучшим выходом из внутривнутрипартийного конфликта, могли бы и посадить. Но

она осталась безработной, с двумя маленькими дочками – четырех и двух лет – на руках. К тому времени она уже рассталась с моим дедушкой – Федором Алексеевичем Авериним из-за идеологических разногласий. Да и вообще он был классово чуждый ей элемент – из «бывших». Он много чего позволял себе, высказываясь об окружающей его действительности и о бабушкиных революционных идеалах. Брак был обречен.

В этой ситуации, когда она сама едва избежала ареста, ей уже не приходилось рассчитывать ни на какую журналистскую или редакторскую работу, и единственное, что оставалось, это пойти почтальоном. Так она проходила с тяжелой сумкой по квартирам вплоть до бериевской амнистии, когда выпустили на свободу условного Маслиева, а бабушке позволили вернуться в ТАСС.

Надо сказать, я смутно помню, мне тогда было лет шесть, как мы с бабушкой навещали этого Маслиева – это был крупный лысый старик, который поил нас чаем за столом, с оранжевым абажуром над ним. И еще мы ходили к бабушкиной давней соратнице – ее квартира была в жилой части тогдашней гостиницы «Украина», и ее прием показался мне куда менее радушным, хотя, возможно, в этом не было вины той маленькой сгорбленной старушки, которая нас впустила в прихожую. Но из комнаты вышла ее властная и хорошо ухоженная дочка, которая посмотрела на нас пренебрежительно, как на нищенок и побирушек, и дальше коридора нас не пустила. Так что мы простояли там минут пять, и обескураженная бабушка, сама отличавшаяся гостеприимством, быстро увела меня восвояси.

А баба Надя, в отличие от нее, кажется, до войны никогда и нигде не работала. По крайней мере, я никогда не слышала об этом. Просто была женой своего мужа, матерью троих детей и дочерью состарившейся до срока Леокады Гавриловны. И лишь во время войны, когда дедушку Марка Константиновича убили под Ржевом, она, смилив шляхетский гонор, пошла работать кухаркой в общественную столовую.

Баба Лёля, в ранней юности хлебнувши большевистской отравы, до самой смерти оставалась атеисткой. А баба Надя – верным чадом Церкви и сторонницей низвергнутой монархии, из-за чего между моими бабушками существовал антагонизм, тщательно прикрытый их обоюдной интеллигентностью. Но баба Лёля, в отсутствие своей идеологической противницы, подчас позволяла себе иронические намеки на ее «дремучесть» и «суеверия», в то время как баба Надя ничего подобного в адрес маминой мамы не допускала.

Баба Лёля, при своем атеизме, была ментально глубоко христианским человеком – добрым, милосердным, сострадательным, отзывчивым, честным и скромным. Лучшая похвала из ее уст была: «Хорошая у тебя кофточка – скромненькая!» Может быть, Господь из-за этих ее душевных качеств ставил ее в такие обстоятельства, чтобы она хотя бы в последние моменты жизни обратилась к Нему.

Я провела возле нее, уже безнадежно лежачей, несколько тяжелых дней, когда она умирала. И была поражена, что она, при полной тишине в комнате, вдруг вскрикивала и словно обращалась к кому-то незримому: «Бога нет!» Это было так страшно, и я склонялась над ней после этих криков и старалась успокоить: «Что ты, бабушка, Бог есть!» Наконец лицо ее просветлело, словно она увидела кого-то горячо любимого, она вскинула вверх руку и рванулась ввысь. А потом безжизненно упала на подушку.

Я надеюсь, что, быть может, в самую последнюю роковую минуту она все-таки сказала Богу свое «да». Во всяком случае, я всегда молюсь о ее упокоении, заказывая литургии.

А лет через пятнадцать после ее кончины, когда в издательстве «Московский рабочий» состоялась презентация моей первой книги прозы «Ключи от мира», ко мне подошла сухонькая старушка и спросила:

– А правда, что вы приходите внучкой Елене Ивановне Жугиной?

Я с удивлением взглянула на нее:

– Да, это моя бабушка Лёля!

– Какая она была прекрасная женщина! Какая добрая! Сердечная! Я ведь начинала работать под ее руководством.

И старушка даже прослезилась от этого воспоминания.

Да и у меня закололо в глазах.

Баба Надя воспитывала сыновей и дочь в православной вере. Она не только их покрестила, но и читала им Священное Писание. Когда мой папа взял меня в семилетнем возрасте с собой в Ленинград и повел в Исаакиевский собор, в Русский музей и в Эрмитаж, он так подробно и с таким увлечением рассказывал мне сюжеты икон и картин, написанных на библейские или евангельские сюжеты, что я была потрясена такими его глубокими познаниями.

Папа в храм не ходил, но на Пасху мы всегда с ним приезжали к храму Пимена Великого, чтобы вместе с церковным народом прокричать: «Христос воскрес!» И только перед кончиной папа наконец стал причастником церковных таинств.

Что же касается моей родословной по материнской линии, то там все туманно и гадательно. После того как мой дед Федор Алексеевич Аверин развелся с бабушкой, следы его постепенно растворяются, пока не исчезают окончательно. По одной версии, его в 1939 году посадили, и он погиб, по другой – пропал без вести во время войны. С его фотографии на меня смотрит очень красивое и благородное лицо: мама и ее сестра говорили, что мать его была баронессой, родом из Вильно, но после революции они с мужем скрывались в провинции под чужой фамилией, переменяв одежду на среднестатистическую советскую, чтобы не отличаться, и девочки видели своих бабушку и дедушку только на фотографии.

Мама, которую воспитывала бабушка Лёля, не была крещеной, хотя очень хотела принять Крещение уже во взрослом возрасте, однако это оставалось лишь ее желанием. И только когда она тяжело заболела – так, что ее даже выписали из больницы, чтобы не портить статистику по смертям, – она обратилась к Богу, и мы с мужем отвезли ее в храм в Отрадное к отцу Валериану Кречетову, который ее и покрестил. После этого она стала стремительно выздоравливать. И когда я через месяц после ее роковой выписки из больницы пришла туда за какой-то важной справкой, которую ей не успели выдать, лечивший ее врач сочувственно вздохнул:

– Скончалась? Пусть земля ей будет пухом!

– Да что вы! Мама не только жива, но и прекрасно себя чувствует: они с папой только что вернулись из Пицунды – радостные и загорелые!

После этого мама прожила еще двадцать два года, исповедуясь и причащаясь.

Постница

Итак, единственным церковным человеком в нашей семье, помимо уже совсем старенькой бабушки Леокадии Гавриловны, до поры была моя бабушка Надя. Поскольку она считала себя православной полькой и разговаривала со своей матерью исключительно по-польски, она особенно почитала Ченстоховскую икону Божьей Матери, Матку Боску Ченстоховску, а в Москве ходила в храм Знамени уРижского вокзала, исповедовалась, причащалась и крестила своих внушек, а моих двоюродных сестер, с которыми вместе жила. И всегда мы ездили к ней на Пасху – на приготовленные ею и освященные пасхальные угощения, которыми был уставлен стол, застеленный красной скатертью. А к нам она приезжала лишь погостить на несколько дней, особенно когда ее донимал неуживчивый зять, муж ее дочери.

О Церкви и вере она никогда с нами напрямую разговора не заводила, хотя мне, девятилетней девочке, иногда рассказывала на ночь невероятные истории, в том числе из жизни царской семьи. Например, о пророчествах некой юривой Паши Саровской, которая говорила Государю, просившему помолиться о ниспослании им с Государыней сына, что сынок «наследником будет, а вот царем нет», и предрекала, что царствие Романовых как началось с Ипатьевского монастыря, так домом Ипатьева и закончится.

Бабушка передавала мне ее мрачные провидческие слова о том, что вся царская семья будет уничтожена и Россия не возродится, если не покается в содеянном зле. Мне было страшно ее слушать, и я, по малолетству, старалась отгородиться от этого ужаса, засунув голову под одеяло.

Во дни поста баба Надя всегда уклонялась от скоромного, а мы с мужем, тогда некрещеные, получается, еще ее и искушали:

– Баба Надя, ну поешьте куриного бульончика, ну хоть три ложечки! Баба Надя, съешьте вот эту котлетку! Это яичко! Попейте молочка!

Поначалу она просто ссылалась на то, что не голодна, что не хочет есть, но потом все-таки тихо объясняла:

– Сейчас Великий пост.

Или:

– Надо поговорить перед причастием.

– И что? Совсем ничего нельзя? А сырку? А колбаски? А рыбки?

Но она стояла насмерть: ни кусочка, ни глоточка.

Когда я покрестилась, она отошла ко Господу. Я даже не знаю, успела ли я ей сообщить о том, что теперь хожу в тот же храм, что и она.

И вот что получилось: внучки ее, которые с ней жили, крещеные с младенчества, так и не стали церковными людьми. С печалью я узнала, что одна из них даже детей своих не покрестила: сынок ее так и погиб в расцвете лет без креста.

И, должно быть, лишь мы с мужем, эти в прошлом искусители-нехристи, молимся об упокоении рабы Божьей Надежды. Каждый раз я заказываю литию и поминаю мою дорогую бабушку.

Вот, наверное, она там удивляется!

– Баба Надя, а бульончика? А котлетку? А колбаску?

Как стыдно...

Пионерский галстук

Бабушка моя Лёля лежала году в 1964-м в Боткинской больнице. Как я уже говорила, она была деликатнейшим и скромнейшим человеком. Для обозначения таких женщин существовал оксюморон: «монахини от большевизма». Со своей романтической юности она состояла в РСДРП, с тех пор, когда она, будучи еще гимназисткой, попавшая в агитационные сети, раскинутые каким-то большевиком, стала распространять листовки и прокламации и вошла в краснодарское подполье. Этого змия-соблазителя, который морочил головы гимназисткам, казаки за это сурово покарали.

«Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить, а бойтесь более Того, Кто может и душу и тело погубить в геенне».

Именно поэтому, когда меня (с опозданием из-за того, что я лежала в больнице с аппендицитом, давшим осложнения) приняли в пионеры, моя мама послала меня к бабушке, которая лежала в Боткинской больнице. И попросила повязать поверх свитера, в который я переоделась, вернувшись из школы, красный галстук. «Мне кажется, она обрадуется. Она волновалась, что всех в твоём классе уже приняли, а тебя – нет», – пояснила мама. А бабушку я очень любила.

Я повязала галстук, наподобие шейного платка, и отправилась к ней.

Вошла в палату, принялась бабушку целовать и крутить у нее перед глазами пионерским галстуком. Она, однако, не обратила на это никакого внимания, а торжественно и даже как-то таинственно, с придыханием произнесла:

– Вот тут лежит Анна Ахматова, – она показала на пустующую кровать у двери, – она сейчас вышла в коридор и вот-вот вернется. Запомни, это большой поэт. Всю жизнь потом будешь вспоминать.

Я оглянулась – действительно, в палату вошла грузная старуха с зубом, и моя бабушка почтительно и едва ли не подобострастно произнесла:

– Анна Андреевна, это моя внучка.

Старуха кивнула, насмешливо скользнула взглядом по моему галстуку, и губы ее сложились в кривую усмешку, в которой было и высокомерие, и надменность, и, как мне тогда показалось, даже презрение. Ая эту усмешку отметила и истолковала правильно – я поняла, чему она усмежается, эта толстая старуха с зубом. Именно такой она мне тогда показалась.

Мне стало неприятно, потому что бабушка, моя ненаглядная бабушка, изящнейшая красавица, человек благороднейший и достойнейший, говорила с ней столь самоуничижительно – снизу вверх, а та отвечала ей пренебрежительно... Мне показалось, что она тем самым унизила мою бабушку. Словом, старуха эта мне решительно не понравилась. А стихи я тогда, кроме Пушкина, и не читала.

Впрочем, кто-то к ней пришел, и она вскоре покинула палату. А я осталась с моей бабушкой Лёлей, Еленой.

Наконец, простившись с ней, я прошла по коридору мимо ее соседки, которая беседовала у окна с посетителем (не исключено, что это был Иосиф Бродский, навестивший ее), гордо подняла подбородок и скользнула по ней взглядом, выражающим независимость, победоносность и снисхождение не только к ее тучному возрасту, но и к выказанному ею презрению, причину которого я сразу поняла и внутренне посмеялась – наверняка она и не догадывалась о том, что я знаю ее мысли обо мне: мол, фанатичка! Даже не поверх школьной формы, а поверх свитера, надетого к брюкам, носит пионерский галстук!..

А через несколько лет я с упоением читала и запоминала наизусть ее стихи, которые казались мне прекрасными и образцовыми и которые считаю таковыми до сих пор. Однако

мне во всех подробностях запомнилась эта «моя встреча с Ахматовой», такая, на мой взгляд, нелепая и даже смешная.

Стихи с посвящением

А. А.

Я думаю – страдала ведь она
еще и оттого, что жизнь пресна,
что из красавицы, с ее таким особым
изгибом, шармом, линией крыла,
ее вдруг превратили зеркала
в старуху грузную с одышкой и зобом.
Ей, прежней, с электричеством в крови,
питавшейся энергией любви
и токами мужского восхищенья,
не просто так – забыться и забыть,
как кожу снять, как руку отрубить,
и пережить такие превращенья.
...Офелия плывет с венками ив.
А лирике грозит разлом, разрыв
материи – утратой героини.
Она утонет с песнями, а та,
что выживет на берегу, у рта
потерю выдаст складкою гордыни.
И все-таки, минуя зеркала,
такую музыку она в себе несла!
Земля плыла, качались в такт кадила,
мир в жертвенной крови крутила ось.
Но с пением она прошла насквозь
плен времени и, выйдя, – победила!

Чудесная встреча

Когда я еще училась в десятом классе, со мной произошло вот что. Я заболела воспалением легких, и меня отправили на рентген в поликлинику Литфонда. Была зима, и я потеплее оделась, закуталась в шарф и с утра пораньше отправилась. В поликлинике было темновато и пусто. И вот, выйдя из рентгеновского кабинета и направляясь к гардеробу по сумеречному унылому коридору, я заметила в его конце силуэт человека. И в этот самый момент прямо возле моего правого уха раздался (или так: справа от меня прозвучал) неведомый голос: «Этот человек будет твоим мужем». Это меня так потрясло, что я устремилась к силуэту, чтобы получше его рассмотреть. А поскольку я близорука, то и приблизиться мне надо было на весьма малое расстояние. И я увидела прекраснейшего молодого человека, высокого, очень и очень худого, даже хрупкого, с лицом, которое напоминало молодого Пастернака. Я так его мысленно и назвала: молодой Пастернак. Но что же было мне делать дальше? Не могла же я вот так подойти к этому удивительному и прекрасному незнакомцу и сказать ему, что он будет моим мужем, или даже хотя бы предложить ему со мной познакомиться. Поэтому я постояла, постояла возле него, подождала, не захочет ли он сам заговорить со мной, и, надев шубку, медленно побрела домой в слабой надежде: а вдруг он меня догонит?..

После этого я стала его искать. Раз он лечится в поликлинике Литфонда, он или писатель, или писательский сын, поняла я. И стала знакомиться с писательскими детьми – взрослыми сыновьями друзей моего отца. Поразительно, но я попадала если не в цель, то аккуратно вокруг нее, словно играя в морской бой, я поражала все пустые клеточки вокруг корабля: эти сыновья, как оказалось впоследствии, были знакомы с таинственным «молодым Пастернаком», а кто-то из них даже и водил с ним дружбу.

Меж тем прошло полтора года, и я поступила в Литературный институт. Первое сентября выпало на субботу, которая уже тогда была для студентов Литинститута, кроме первокурсников, не учебным днем. Это даже называлось так: «творческий день». И поэтому первого сентября в институт пришел только первый курс.

Мне сразу там ужасно не понравилось: скучно, томительно, как-то безнадежно – настолько, что я хотела тут же забрать документы и уйти восвояси. Третьего сентября пошел сильный дождь, настала осень. И уж совсем не хотелось идти в институт. Из-за дождя все студенты, которых теперь было гораздо больше, набились в узкие коридоры дома Герцена и искали листки с расписанием. И тут, в этой толчее и тесноте, я внезапно увидела ЕГО, этого «молодого Пастернака», и узнала со спины. Он стоял, повернувшись к окну, с длинным зонтом. Я подошла и заглянула ему в лицо. Он скользнул по мне взглядом, словно перед ним был какой-то лишний предмет, не стоящий внимания. Но я хорошо помнила, что мне было сказано в темном коридоре зимней ранней порой.

Водительство свыше

Ну, хорошо, вот некогда в институте я встретила наконец того, кто был мне таинственным образом обещан в мужья, кого я потом искала и называла «молодым Пастернаком». И почти через два года после мистического откровения, взглянув мельком, со спины тут же узнала и получила возможность видеть его каждый день, и даже добилась того, чтобы с ним познакомиться. И что? Ничего. Лишь в конце учебного года накануне экзаменов я набралась храбрости, достала его телефон, позвонила ему и попросила принести шпаргалки. А потом наступило лето, и все разъехались на каникулы. А по осени начался следующий учебный год, но и он не принес мне ничего от того, кто был обещан мне в мужья в коридоре темной поликлиники, кроме беглого «привет» и «здравствуй».

В институте я перезанималась и перетрудилась – во-первых, я училась на переводческом отделении и учила плюс ко всем предметам еще венгерский и французский языки. Во-вторых, я много писала по ночам и порой, еще в пылу ночного вдохновенья, прямо из-за письменного стола отправлялась утром на лекции. По вечерам ходила на всякие там поэтические встречи, вечера поэзии, в секцию художественного перевода и так далее. Родители очень за меня беспокоились и решили отправить на зимние каникулы в Гагры, в пустующий по зимнему времени Дом творчества писателей. Его пытались заполнить шахтерами, но и те ехали туда без особой охоты. Чтобы как-то скрасить скуку, они по вечерам ходили на танцы, которые устраивались прямо в столовой. Причем женщины танцевали с женщинами, а мужики – с мужиками.

Как-то раз, сидя в своей лоджии, выходящей прямо на море, и следя за багровым солнцем, медленно склоняющимся долу, я вдруг испытала странное ощущение – меня целиком охватила решимость тотчас же, немедленно позвонить обещанному мне будущему мужу. Этот порыв воли был так иррационален, что я засомневалась – от меня ли он исходит, тем паче что телефона я не помнила наизусть: он был где-то у меня записан и остался в Москве, да и звонила я лишь единожды – насчет шпаргалок. И если бы это не звучало столь пародийно, я бы описала это так: «какая-то неведомая сила взяла меня в оборот и потащила на близлежащий переговорный пункт». Но в том-то и дело, что все происходило именно так.

Я вышла в метельные гагрские сумерки, стараясь мысленно ничего не исследовать и не сомневаться, а просто подчиняться. Я даже заставила себя не думать, что вот сейчас я наменяю для переговоров монет (кажется, пятнадцатикопеечных), а какой же номер я наберу? Нет, я просто пошла к автомату, сняла трубку и позволила руке самой, как ей вздумается, потыкать в разные кнопки...

И трубку взял он.

– Привет! – сказал он радостно. – Ты куда пропала? Я сижу и жду твоего звонка. Приходи ко мне завтра в гости.

– Приду, – радостно откликнулась я, стоя в будке на переговорном пункте в городе Гагры.

Через полчаса вещи мои были запихнуты в чемодан, через час я уже садилась на электричку, следующую в Адлер. А еще через два часа я предстала пред очами начальника аэропорта, умоляя посадить меня на самолет, летящий в Москву.

На следующий вечер я, как мы и договаривались, пришла в гости и, чувствуя, как дрожат у меня от страха поджилки, старалась говорить только о возвышенном и прекрасном. Тем паче что на письменном столе моего собеседника я увидела раскрытую книгу, лежащую вверх обложкой. На ней было написано: «Шеллинг. Система трансцендентального идеализма».

Именно в эту систему мне очень хотелось попасть.

Как я завоевывала моего мужа

Недавно, разбирая архив и желая его сократить до минимума, а остальное сжечь, нашла в старой-престарой тетрадке, в которую я записывала на первом и втором курсе института стихи, а также всякие дневниковые впечатления и размышления, прелюбопытный рассказ. Он о том, как я наконец-то познакомилась со своим будущим мужем – Владимиром Вигилянским, о котором у меня было мистическое предчувствие еще фактически до реальной встречи с ним и в которого я была влюблена уже более полугода, с тех пор как поступила в Литинститут и увидела его там: он уже был студентом второго курса.

Из этой записи я узнала забытое: оказывается, поэт Виктор Гофман, которого я знала еще с отрочества, считал Вигилянского своим «духовным отцом», а меня называл своей «духовной дочерью». Таким образом, предмет моего обожания приходился мне «духовным дедушкой». И это все у меня фиксируется в студенческой тетради: как Витя Гофман позвал нас к себе в гости (у него уехал отец в командировку), как я волновалась при обсуждении с самой собой предстоящей встречи и как тщательно ее анализировала по свежим следам.

В той же тетрадке я отыскала стихотворение, которое тогда считалось у меня «убойным», я знала его наизусть и даже не потрудилась перепечатать на машинке или хотя бы переписать набело. Вскоре оно мне надоело, потом я и вовсе от него внутренне отказалась, стала его стыдиться и пожелала забыть. Что и вышло: я напрочь выкинула его из головы и лишь сейчас обнаружила исчерканные листки старой тетради, в которой сквозь вымарывания удалось мне восстановить, и то не полностью, тот текст, написанный мною в семнадцать лет. Короче говоря, вот это стихотворение я тогда и прочла у Вити – вслед за ним и Сашей Росляковым, который учился на филфаке и писал стихи про журавля в небе и синицу в руке. Поэты в те времена, собираясь вместе, читали стихи по кругу, даже если не было других слушателей, кроме них самих. А в нашем случае критик Вигилянский нам благосклонно внимал.

И правда, чем я могла завоевать его сердце? Только вступив на его территорию и показав, что я отнюдь не чужая его «системе трансцендентального идеализма»!

Я встала перед собранием друзей, откашлялась, запрокинула голову и...

В общем, сюжет такой: трое друзей отправляются искать истину. Один ищет ее на море, другой ищет ее в воздухе, а третий (некое «я», причем мужского рода) пускается по земле. И вот он везде ходит и никак не может найти: в городах – алчность, торговля, суэта:

Я долго шел. Я шел сквозь города.
Я заходил в дома и гостевал.
Я видел праздность и разгул труда
и тех, кто пел, и тех, кто горевал.

Но истина была так далека,
оттуда, где блаженство лишь руке,
что в день базарный будет столь легка
и копошиться сможет в кошельке.

Проходит он («я») и лугами-лесами, любуясь их красотой, но и понимая, что все это «земное, слишком земное» и потому не может быть истиной:

Я шел через овраги и леса.
Заглядывал в провалы темноты,
ревниво слушал птичьи голоса,

расспрашивал деревья и кусты.

Не находил глубокую, как клад...
Но столько кладов из земли извлек.
Земным же было все вокруг подряд:
орел и лань, растенье и цветок.

И наконец путь его («мой») уткнулся в пещеру:

Я все обшарил, я ошпарил грудь,
я отморозил ноги, но – увы! —
пещерою заканчивался путь,
безумный, как круженье головы.

Но истины я так и не нашел
в миру растений, света и людей,
я лег на землю, немощен и желт,
и вполз в пещеру по примеру змей.

Я задыхался, мокрый ворот рвал.
Стонал, но полз по склизкой тишине,
и наконец я нечто увидал,
прикованное к глиняной стене.

И здесь шло пуэнто! Голос мой, уже истративший в предыдущих строфах запас звонкости и ослабив струны, начинал чуть дрожать, вбирая в себя бархатцы более низких нот и хрипотцы. Не ослабляя широкого дыхания, я продолжала, извлекая звуки из груди и напрягая горловое яблоко:

И было оно склизкое, как грязь.
И было оно грязное, как грех.
И прядь волос вокруг цепи вилась.
И рос на шее мох, как стертый мех.

Я отшатнулся. Я прирос, как гриб...

Здесь я делала паузу. Мне этот «гриб» самой очень нравился. И, набирая воздуха, я переходила к последней, самой драматической части:

Я рот кусал, но вымолвил: «Ты кто?»
И эхо подхватило этот хрип.
«Я – истина! Я черное Ничто!»
Я обезумел. Принимался петь.
С землей сливался, хохотом звеня.
А истина, спокойная, как смерть,
безмолвствуя, смотрела на меня.

Тут голос мой совсем понижался, почти переходя на шепот, благо и слушатели мои уже сидели напряженные и ожидали, чем же все это закончится и что же все это значит:

Со мной был храм теней и прах могил,
и на коленях, голову склоняя,
я землю ел, как будто воду пил.
А истина смотрела на меня.
Невыносим был взор, и я притих...

И дальше начиналось крещендо:

Я изнемог, вскричав ей: «Помоги!
Что я скажу теням друзей моих?»

Тут пауза. Совсем тихо, росо, росо и piano, piano:

И истина ответила: «Солги».

Выдох. Allegro moderato, буднично и не без горькой издевки в голосе:

И я солгал. И понял я, что жив.
На воздух вышел, но дышать не мог.
И чувствовал себя, как Вечный Жид,
Переступавший с пятки на носок...

Конечно, это была ужасная ложь и клевета на Истину, с моей даже той, не говоря уже о нынешней, точки зрения: Истина – «черное Ничто»! Этой притчей я была обязана Гале Ж., бедной-бедной девушке в сиротском пальтишке, которая привязалась ко мне на семинаре поэзии Бориса Слуцкого и пошла за мною до самого моего дома, рассказывая по дороге, как ее изводят голодом, как бьет по голове отчим, издевается мать и как она замерзла. В результате я привела ее к себе, где она и поселилась на какое-то время, пока ее не изгнали друзья моих родителей, и то после того, как выяснилось, какие интриги она плела и какую клевету на нас возводила... Но тогда эта ее притча, будучи мною закованной в строфы, зарифмованной и соответствующим голосом произнесенной, звучала очень эффектно и производила на иных слушателей почти гипнотическое впечатление. Время было лукавое: пребывая под идеологическим давлением и атеистическим гипнозом, люди порой говорили одно, подразумевали другое, а делали третье. Именно поэтому это стихотворение и пользовалось таким успехом у слушателей, где бы я его в те поры ни читала.

Мне показалось, что и тут, у Гофмана, оно возымело некое действие. Конечно, не сомнительным своим смыслом, а тайной мелодией, заключенной в нем. Это было пение: то, что завораживает в поэзии. То, о чем сказано у Лермонтова:

Есть речи – значенье
Темно иль ничтожно,
Но им без волненья
Внимать невозможно.

Во всяком случае, господин моего сердца, он же – взыскательный критик Вигилянский, отправился меня провожать до самого подъезда, и шли мы долго сквозь метель – от Малой Грузинской до Кутузовского проспекта, где я тогда жила.

А потом оказалось, что путь этот растянулся на половину века.

Воспоминания о будущем

Не так давно мы с мужем почувствовали себя измученными каждодневными трудами. В тот год мы написали большой исторический роман «Дело Гапона», требовавший не только предварительного тщательного изучения материалов и источников, но и напряженного внимания: держать в голове такое количество информации и при этом выстраивать множественные сюжетные линии так, чтобы они двигались произвольно, – задача непростая. Кроме этой серьезной работы, отец Владимир служил в двух вверенных ему храмах, я весь год вела семинар поэзии в Литературном институте, а во время летних каникул набирала новых студентов и принимала экзамены.

Главной нашей задачей было немного отвлечься от каждодневных усилий и просто поплавать в море, как можно больше, как можно дольше, как можно дальше: во многом сидячий образ жизни за компьютером привел к тому, что наши мышцы совсем обленились.

Выбрали мы Гагры, отель наш стоял на самом берегу, море было теплое, с лоджии открывался вид до самого горизонта, так что можно было наблюдать рассветы и закаты, движения небесных светил и облаков и меняющую цвета морскую гладь. А ничего больше было и не нужно.

И тут я вспомнила, как полвека назад сидела вот так же в лоджии, в Доме творчества «Гагры», смотрела в морскую даль, в небесную высь, когда какой-то внутренний голос погнал меня на телефонную станцию звонить студенту Володе Вигилянскому, телефона которого я не знала наизусть и при себе не имела. Но моя рука, то ли нажимавшая на кнопки, то ли крутящая телефонный диск, не помню, оказалась мудрее меня, и я дозвонилась, и мы договорились о встрече, и я срочно сорвалась с места и прилетела в Москву, и мы встретились, и началось то, что началось.

– А давай сходим в бывший Дом творчества? – попросила я мужа. – И еще я хочу посмотреть, сохранилась ли та телефонная станция, с которой можно было позвонить по автомату за 15 копеек в минуту.

Мы и отправились искать. Естественно, за эти годы Дом творчества был продан-перепродан в частные руки, но сами здания сохранились, и я постояла под той самой лоджией, а затем и нашла неподалеку здание той самой телефонной станции, где теперь помещалось отделение банка.

Солнце пекло немилосердно, и мы, чтобы утолить жажду, укрылись под навесом в кафе, вблизи от корпуса, в котором я когда-то останавливалась. Странная мысль пришла мне на ум: а что, если вот сейчас почувствовать и пережить те самые мгновения полвека назад, когда мне казалось, что мной управляет идея безумная и невозможная, заставляя испытывать чувство долженствования и заставляя подчиниться ему. И как бы я была тогда поражена, если бы кто-то прокрутил передо мной весь дальнейший ход событий: счастливое замужество, троих детей и, наконец, теперешний приезд на это самое место, где мы как ни в чем не бывало сидим вдвоем в кафе, пьем кофе и морс и смотрим на море, в предвкушении плавания в теплых волнах. Что бы я тогда пообещала Богу за такую великую милость? И какой неиссякаемой благодарностью должна я отплатить ему сейчас?

Воистину, как сказал поэт, «Ты больше, чем просят, даешь».

Преображенный блеф

Но есть у меня и другое воспоминание, связанное с Гаграми. Начну рассказывать изда-лека.

Сколько раз я убеждалась в том, что все, задуманное и исполненное по собственному моему замыслу и воле, не приносило мне ничего необыкновенного и чудесного. А то, что было спровоцировано другими людьми или обстоятельствами, напротив, получало особый смысл и оказывало влияние на мою жизнь. Вот и эта авантюра, в которую я была вовлечена вместе со своими крошечными детьми, обернулась чудесным приключением.

Начну с того, что была у меня близкая подруга – красавица Ирэн, грузинка. Она была старше меня и потому как бы главнее: я была еще студенткой Литературного института, а она – уже настоящей ученой дамой, аспиранткой и как раз в это время писала диссертацию о Достоевском. Надо сказать, что она настолько глубоко проникала в психологическое исследование его женских образов, что, кажется, почти и не отличалась от Настасьи Филипповны, во всяком случае, и у нее, по рассказам, был свой Рогожин с топором, числились за ней и символически сожженные в камине деньги...

Красавица Ирэн переживала драматическую пору своей жизни – она разводилась с мужем и была в связи с этим в состоянии особенного душевного надрыва, которое она на самом деле очень любила и которое вызывало у нее прилив словесного воодушевления. И я, со своей любовью ко всему чрезмерному, для этого случая представляла собой вполне подходящего слушателя и собеседника. Поэтому она приезжала к нам со своими бурными историями едва ли не ежедневно, порой даже и ночевала, и мы обсуждали с ней жизнь с ее вывертами и казу-сами почти до утра.

Для этой истории важно упомянуть, что в те времена мы с моим мужем были бедными студентами с двумя младенцами: дочке было два с половиной года, а сыну полтора. И ввиду предстоящего лета совершенно терялись в предположениях, куда можно было бы вывезти детей, чтобы не томить их в Москве – ведь у нас не было ни дачи, ни домика в деревне, ни денег, чтобы что-нибудь снять на лето. Зато Ирэн предложила нам великолепный план.

– У моего дядюшки – он глава Сухумского МВД – есть прекрасная дача под Сухуми, на самом берегу моря. Но он ею совсем не пользуется, детей у него нет, так что эта вилла с прекрасным садом пустует. А он так меня любит и обижается, что я никогда туда к нему не приезжаю. Но что мне там делать одной? С тобой и с детками я бы поехала с удовольствием. Может быть, доставим дядюшке радость – поживем у него несколько месяцев, а?

Честно говоря, я не сразу и согласилась: ну как это – ехать с детьми к незнакомому мне человеку. Но она настаивала:

– Пойми, это решит мои проблемы, ты мне поможешь! Он ведь считает, что я пренебрегаю им, когда отказываюсь. Спрашивает с обидой: «А для кого я все это строил, если ты, моя единственная наследница, туда никогда не приезжаешь?» Я буду тебе очень обязана, если мы с тобой и детками там поживем и ублажим дядюшку! У него дом – полная чаша, а пользоваться этим некому. А потом и Володя твой туда приедет. У него ведь будет отпуск? Поедем, а то я обижусь!

Короче говоря, после ее уговоров я решила: а правда, почему бы и нет, раз такое дело? Дача пустует, дядюшка обижается, а дети мои проведут сколько-то дней и ночей у моря. К тому же у них был диатез от московских продуктов – буквально на все: не только на такие явные аллергены, как яйца и помидоры, но и на сахар, и даже на молоко. И врач мне сказал, что, если повезти детей в субтропики, все это может бесследно пройти. Да и помимо очевидных радостей, которые сулило такое путешествие с детьми, мне было очень даже по душе провести эти недели рядом с Ирэн. Скучно, по крайней мере, уж точно не было бы.

Словом, в самом радостном расположении духа стали собираться в путь. Как раз в тот месяц в День всех святых, в земле Российской просиявших, я покрестилась сама и покрестила детей и верила всем сердцем, что нас отныне оберегают наши ангелы-хранители.

А Ирэн мне и говорит:

– Знаешь, я тут подумала: а не заехать ли нам сначала в Тбилиси? Ты бы там взяла себе подстрочники стихов грузинских поэтов, чтобы сделать переводы, я бы сдала в издательство роман, который для него переводила, а поселились бы мы сначала у моей мамы, а потом заехали бы ненадолго на биостанцию к моей тете. Она – заслуженный ботаник Грузии и трудится в необыкновенном саду, где выращивают персики, величиной с голову младенца, и виноград, длиной с настоящие дамские пальчики. А какое там благоухание роз – алых, белых, чайных! Детям ведь так нужна Красота! Проведем несколько дней в этом земном раю, проживем там в отдельном домике у тетушки, которая с удовольствием с твоими детками посидит, пока мы будем в Тбилиси улаживать свои издательские дела, а потом на поезде отправимся в Сухуми, к дядюшке.

Да, так было еще лучше. И правда, как было бы хорошо запастись в Тбилиси подстрочниками для работы над переводами на год вперед, заключить договор. Может, еще и аванс какой-никакой заплатят. В таком случае не мешало бы взять в Грузию командировку от Союза писателей недели на три, что очень бы оздоровило нашу семейную казну...

Так я и сделала. Получила командировочную бумажку, деньги на дорогу и командировочные, мой муж купил нам с детьми билеты на самолет, а Ирэн взяла себе билет самостоятельно на тот же рейс.

– Ты только не забудь, что мы туда едем надолго – месяца на три, на четыре, аж до октября, – то и дело повторяла она. – Как же, осенние месяцы – это бархатный сезон, нет смысла лишать себя такого удовольствия. Поэтому, как бы тебе это сейчас, в жарком июле, ни казалось диким, прихвати с собой и несколько шерстяных вещей.

Дети, повторяю, у меня были совсем маленькими, порой случались с ними по ночам конфузы, поэтому надо было взять запас пеленок и пачку подгузников. Не забыть бутылочки, без которых они не засыпали, прихватить с собой любимые игрушки – собачку Вову в красной кепке и плюшевого бегемотика с желтым животиком. Короче говоря, набрался целый огромный чехол, который нам привезли из Америки, и достоинство его составляли колесики, так что, каким бы тяжелым он ни оказался, все равно его транспортировка не составляла проблемы.

Время от времени Ирэн, появляясь у нас, восклицала:

– Как я рада, что мы едем вместе! А уж дядюшка как счастлив! Он уже распорядился, чтобы нам приготовили комнаты на его вилле. К тому же он предложил прислать за нами машину в Тбилиси, но я отказалась: зачем? Дорога не близкая, лучше мы возьмем купе, и дети смогут поспать. Тогда он сказал, что будет встречать нас на машине в Сухуми. А тетушка, та, которая работает на биостанции, просто на седьмом небе: своих детей у нее нет, так она хоть чужим порадует, побалует, попотчует их вдоволь!

Приближалось время отъезда. Мой муж договорился с Ирэн, что она приедет к нам, а он закажет такси, которое и отвезет нас всех вместе в аэропорт. Так и сделал. Но накануне позвонила Ирэн и сказала, что ей наутро надо будет еще кое-куда забежать по срочному делу, так что в аэропорт она приедет сама.

В оный час мы загрузились в такси и помчались с ветерком – туда, туда, к новым приключениям! Объявили регистрацию на рейс, мы сдали чехол, и я стала искать свою прекрасную подругу, столь великодушно пригласившую нас в это чудесное путешествие. Но ее нигде не было. Мой муж побежал ей звонить, а мы, простившись с ним, прошли к выходу на посадку. Вскоре подали самолет, и пассажиры заняли свои места, но Ирэн все еще не появилась. «Как всегда, опаздывает», – с печалью подумала я. Но тут раздался голос главного пилота, который

объявил, что по техническим причинам рейс задерживается, и я с облегчением вздохнула и улыбнулась: никак из-за моей мистической подружки, чтобы она успела присоединиться к нам... Но прошел час, другой, кресло ее так и оставалось пустым, а мы все сидели в тесном и душном самолете. Дети уже истомились, хотелось пить... Наконец к исходу третьего часа что-то там забурчало, заскрипело, зажужжало, и пилот радостно объявил о подготовке к взлету.

Летели уже в темноте, приземлились далеко за полночь.

Я с ужасом думала: что же мне делать теперь – с крошечными детьми, с огромным чемоданом, посреди немилосердной жары, в опустевшем Тбилиси. Наверняка ведь мои грузинские друзья поразъехались, да и телефонов я их не взяла. С ужасом я вдруг поняла, в какой переплет попала. «Ну ладно, – решила я, услышав объявление, что в аэропорту есть комната матери и ребенка, – там переночуем, а завтра либо Ирэн прилетит вслед за нами, либо, если она так и не появится, куплю билеты обратно в Москву. Тогда будем считать, что просто хорошо полетали! Проветрились!»

Подогнали трап, и мы вышли из самолета. Ночной жаркий воздух был настолько густым и плотным, что, казалось, надо было делать усилие, чтобы рассечь его своим телом. Пока выгружали багаж, повредили колесики моего чемодана, и он теперь сделался практически неподъемным, пришлось тащить его волоком.

У выхода с летного поля, у самой ограды, несмотря на поздний час, стояла толпа встречающих, через которую надо было протискиваться. Но только мы вступили в ее гущу, как я увидела: кто-то схватил на руки моего сыночка, кто-то поднял в воздух мою дочку... Я оцепенела от ужаса, мне показалось, что их сейчас украдут и спрячут! Но, приглядевшись, я поняла, что это мои лучшие тбилисские друзья. Они подхватили мой чемодан и усадили нас в машину.

Когда мой муж из аэропорта позвонил красавице Ирэн, застал ее дома и понял, что она никуда ехать не собирается, а может быть, и не собиралась с самого начала, то есть – вообще, он в отчаянье, почти безо всякой надежды, набрал тбилисский номер наших близких друзей, и – о чудо! – оказалось, что они в Тбилиси: приехали буквально на несколько дней из далекой горной деревеньки, где проводили лето.

– Прости, мы, конечно, тебе очень рады, но чего ты сюда прилетела с детками в самый разгар жары? – удивленно спросили они меня. – Мы, наоборот, всегда отсюда спешим куда-нибудь смотаться в такую пору!

Я рассказала им, как поддалась на уговоры красавицы Ирэн, нашей с ними общей подружки, как нас с нетерпением ждет на биостанции ее тетя, заслуженный ботаник, а также и дядюшка, глава Сухумского МВД: все глаза уже на своей вилле проглядел, не едет ли дорогая племянница с подружкой и кучей детишек?

– У нее всегда какие-то роковые события! – добавила я. – Должно быть, и в день отъезда с ней произошло нечто фантастическое. Но, может быть, она прилетит чуть позже? Ведь она так хотела! Да и дядюшка на нее в смертельной обиде.

Они переглянулись и расхохотались.

– Насколько я знаю, тетушка красавицы Ирэн неотлучно присматривает за ее больной матерью в тбилисской комнатке, а сухумского дядюшки, главы МВД, да еще с виллой, у нее нет и никогда не было. И ты поверила? Ты что, Ирэн, нашу знаменитую сказочницу, не знаешь?

Я была потрясена! Я, конечно, совсем даже неплохо знала свою подружку, понимала, что она в иных своих рассказах... гиперболизирует, скажем так, но чтобы настолько дать разгуляться своему воображению и втравить в эти иллюзии меня с двумя младенцами – этого я, конечно, даже от нее не ожидала. И ведь, оказывается, она, уговаривая меня, с самого начала прекрасно знала, что все это блеф и что сама она никуда со мной не полетит.

Тем не менее я решила воспользоваться своим приездом в Тбилиси и возможностью провести несколько дней у моих друзей: хотя бы отметить командировку и взять для себя в издательстве переводы. А там и домой, в Москву!

Наутро поехала вместе с детьми по делам, но жара невыносимая, даже в тени. На обратном пути из издательства мы зашли в храм апостола Иоанна Богослова, где шла служба. От каменных стен струилась прохлада, и звуки грузинских молитвенных песнопений умирляли страхи и страсти. Выйдя на улицу, я сообразила, что нахожусь в двух шагах от дома моих добрых знакомых – германиста, профессора Тбилисского университета Нодара Какабадзе и его жены Жужуны. Решила заглянуть к ним: а вдруг они в Тбилиси?

Они встретили нас радостными восклицаниями, порасспросили, какими судьбами я оказалась тут, да еще и с детьми. Я рассказала, добавив, что через два-три дня мы улетим домой.

– Зачем домой? – покачала головой Жужуна. – А давайте в Кахетию, к моим родственникам.

– Что им там делать? – возразил ей Нодар. – Знаешь что? Сейчас идут приемные экзамены, и ко мне на факультет поступает мальчик из Гагр, с которым я занимался как репетитор весь последний месяц. Он хороший мальчик, поступит. Его мать, которая неотступно пребывает с ним, как раз сегодня мне предложила: «Дом наш в Гаграх пустует, мы все перебрались на время экзаменов в Тбилиси, а потом собираемся еще и в Батуми. Может быть, у вас есть родственники, которые бы хотели там остановиться на отдых – совершенно бесплатно?» Так вот, вы и есть мои родственники. Возьмешь детей и поживете две-три недели на самом берегу моря!

Я согласилась.

На следующий день он дал мне ключ от дома в Гаграх, протянул бумажку, на которой был написан адрес, и отвез нас с детьми на вокзал. В чемодане моем уже лежала папка с подстрочниками и договор с издательством на перевод книги грузинского поэта.

В Гаграх, выгрузившись с детьми и чемоданом, я взяла такси, и вскоре машина остановилась перед просторным домом с верандой и садиком, за которым начиналось море, блаженство, свобода...

На следующий же день я глянула на лица детей и глазам своим не поверила: красные пятна пропали, диатез как рукой сняло! Я могла теперь кормить их чем угодно, хоть яичницей, хоть мясом, хоть жареной картошкой с помидорами, клубникой, мороженым, шоколадом – щеки их оставались гладенькими и нежнорозовыми от загара. Так подействовал на них субтропический климат: аллергия прошла и больше никогда не возвращалась!

В полнейшей радости и красоте мы прожили так почти три недели, утром нежась в морских волнах и лежа в тенечке на берегу, а по вечерам гуляя в знаменитом парке принца Ольденбургского, играя между пальмами, эвкалиптами, цветущей магнолией и олеандром, подбираясь к зарослям бамбука и кормя лебедей и уток в заросшем пруду, неподалеку от великокняжеского замка. Там же справляли и день рождения – трехлетие! – старшей дочери, которую сфотографировал у пруда с лебедями местный фотограф.

Ходили мы, прогуливаясь, с детьми и в Дом творчества, где всего-то за четыре с половиной года до этого случилось со мной такое нечто чудесное, о чем я тогда и мечтать не смела, а теперь вела за руки двух прекраснейших и трогательнейших деточек.

И это блаженство продолжалось до тех пор, пока у нас не кончились деньги: в кармашке сумки оставалась ровнехонько сумма, нужная, чтобы купить билеты в Москву. Я было попробовала это сделать, как только мы приехали в Гагры, но, увидев километровую очередь в кассу, поняла, что это мне не под силу. Помолясь, я решила действовать напрямик. Мы доехали до Адлера, и я, едва волоча за собой огромный чемодан и двоих детей, ввалилась к начальнику аэропорта.

– Всё! – сказала я, усаживаясь на чемодан. – Я отсюда никуда не уйду, разве что вы меня отправите ближайшим рейсом в Москву.

– У вас что – нет билетов? нет денег? – испуганно спросил меня начальник.

– Деньги есть, – я выложила на стол несколько десятирублевых. – Идти отсюда нам больше некуда!

И что же? Через полчаса нас зарегистрировали, забрали чемодан, и мы, счастливые, улетели домой. При московском освещении было особенно заметно, как у моих детей выгорели и зазолотились на солнце волосы, как загорели лица и как засияли глаза.

А вот с красавицей Ирэн мне мой муж с тех пор запретил общаться. Так и сказал:

– Я запрещаю! Ты что, не видишь, какая она авантюристка! Она непременно втянет тебя в какую-нибудь темную историю!

И он это произнес с такой властью, что я подчинилась. И больше никогда не сживала с этой мистической дамой, несущей в себе нездешние вихри, никогда не слушала ее невероятные рассказы, которые почти всегда имели роковую развязку. И – честно говоря – мне жаль! Ведь не разыграйся тогда ее бурная фантазия, мы бы так и просидели все лето в пыльной Москве, томясь во дворике со скрипучими карусельками да в песочнице под молоденьким кленом. И никогда бы не испробовали на себе целительность субтропического морского воздуха и не уверились бы снова и снова в чудесных явлениях Промысла Божьего, способного поставить себе на службу блеф и преобразить самую бесплодную авантюру в чудесное путешествие.

Жестоковыйный иронист

Прежде чем поведать эту историю, нужно обернуться назад и сказать несколько слов о храме святой мученицы Татианы, где сейчас служит настоятелем мой муж, отец Владимир. По преданию, прошение об открытии университета было подано императрице Елизавете Петровне ее фаворитом Иваном Шуваловым в день святой мученицы Татианы. Посему в честь этой святой и был впоследствии освящен здесь домовый храм. Министр просвещения граф Сергей Уваров лично присутствовал на освящении университетской церкви, которое совершил митрополит Московский Филарет (Дроздов) 12 (24) сентября 1837 года. По окончании богослужения митрополит произнес проповедь, где отметил:

«Итак, вот дом молитвы под одним кровом с домом любомудрия. Святилище таин приглашено в жилище знаний, и вступило сюда, и здесь основалось и утвердилось своими тайнодейственными способами. Видно, что религия и наука хотят жить вместе и совокупно действовать к облагораживанию человечества».

Он подчеркнул, что истинное просвещение возможно только во Христе, и призвал всех «просвещенных и непросвещенных века сего»: «Приступите к Нему – благоговееющим умом, верующим сердцем, молящимся духом, послушной волей, приблизьтесь, приступите к Нему и просветитесь, и лица ваша не постыдятся».

Не случайно на кровле храма красуется надпись: «Свет Христов просвещает всех».

22 ноября (4 декабря) 1837 года в новоосвященную Татианинскую церковь приехал император Николай I, который принял благословение от настоятеля храма.

Прославился храм многими святыми чудесами и событиями: и тем, что в нем отпевали великого Гоголя, и тем, что именно там произошло чудесное явление Матери Божьей философу Владимиру Соловьеву, и тем, что в нем были крещены обе дочери Ивана Цветаева – Марина и Анастасия. Этот храм дал миру тридцать одного святого: это были и университетские преподаватели, и бывшие студенты, и почетные члены МГУ.

После революции храм был закрыт, богослужения в нем прекращены, а в помещении университетской церкви был устроен читальный зал: поставлены книжные шкафы юридического факультета, а на фронтоне здания появилась новая надпись: «Наука – трудящимся». Однако в 1922 году в здании церкви был открыт студенческий клуб. Тогда же из храма увезены иконы, сломана и уничтожена коринфская колоннада иконостаса. Внутреннее пространство здания подверглось значительной перестройке. На втором этаже в западной части был перекрыт пол, и вместо обходной галереи с балюстрадой устроено фойе клуба. «В бывшей церкви Татьяны в Московском университете открыт клуб. Вместо икон тут висят портреты Маркса, вместо пения слышатся бодрые голоса гимнастов», – писала газета «Известия» 20 апреля 1923 года.

Более четверти века в клубе проводились комсомольские и партийные собрания, разумеется, атеистического толка, на которых выступали, в частности, Анатолий Луначарский и Николай Бухарин.

Здесь же 4 ноября 1927 года Владимир Маяковский прочел только что законченную поэму «Хорошо!». 6 мая 1958 года актриса Александра Яблочкина открыла в здании церкви Студенческий театр, а 27 декабря в том же здании актер Аркадий Райкин открыл эстрадную студию.

В конце восьмидесятых – начале девяностых годов на подмостках появились такие постановки, как «Вальпургиева ночь, или Шаги командора», спектакль-кабаре «Синие ночи ЧК», «Приди ко мне в постель, или Любовь со скелетом». Поэт Александр Кривенко читал на месте

церковного алтаря стихи со строками: «О, как люблю ругаться матом / На этой чуждой нам земле!»

Вся эта «малина» окончилась 11 ноября 1990 года, когда Мосгоргеотрест информировал в письме руководство Московского университета, что здание Студенческого театра МГУ находится в аварийном состоянии и создает угрозу для жизни его посетителей. В том же месяце в Студенческом театре прошла выставка дорогих породистых собак «Мастифф–93», входной билет на которую стоил сто долларов. Как писала газета «Московский комсомолец», большинство зрителей были «столичными бизнесменами, пришедшими оттянуться», и членами «постоянного элитного клуба Back Stage», которые «привыкли к тому, что театр всегда делал их соучастниками действия».

Но пришли иные времена, и 25 января 1991 года в здании церкви Патриарх Московский и всея Руси Алексей II отслужил молебен с акафистом мученице Татиане. Началась долгая история с возвращением храма Церкви. В то же время Студенческому театру при МГУ для постановки спектаклей была предоставлена сценическая площадка Дворца культуры МГУ на Воробьевых горах в Главном здании. Было подчеркнуто, что «это – лучшая из театральных сцен Московского университета».

Тем не менее вспыхнула ожесточенная медиакампания против возвращения храма Церкви. Возбуждение деятелей культуры зашкаливало: они писали воззвания и коллективные письма протеста, били в набат, уверяя, что «все силы зла обрушились на независимую светскую культуру», и выражали тревогу, что «религия, вроде бы призванная учить людей добру, милосердию, справедливости, эту культуру теснит». Словом, объявляли это походом «средневекового мракобесия» на просвещение, искусство и современность и стеснительно утаивали при этом, что театр уже получил помещение для своих постановок, куда более просторное и отнюдь не аварийное.

Обращение театральных деятелей к Президенту Российской Федерации в защиту Студенческого театра подписали Галина Волчек, Кирилл Лавров, Юрий Никулин, Валентин Гафт, Марк Захаров, Михаил Ульянов, Леонид Хейфиц и многие другие актеры и режиссеры. Тяжелая артиллерия! Однако Иннокентий Смоктуновский это обращение подписать отказался. По свидетельству очевидца, он сказал примерно так тому, кто принес ему на подпись эту коллективку: «Какую подлость я совершил в своей жизни, что ко мне приходят с предложением подписать письмо против Церкви?» Решение о возвращении здания Церкви и открытии в нем храма поддержали Никита Михалков, Ирина Архипова, Марлен Хуциев, Георгий Свиридов, Александр Михайлов, Светлана Дружинина, Сергей Соловьев, Вадим Абдрашитов.

Вот тут-то, после этого предисловия, и надо начать нашу историю. В числе противников открытия храма выступали не только театральные и кинодеятели, но и поэты. И наш герой – поэт-иронист – среди них. То было краткое время его славы: по НТВ, принадлежавшему в те времена Гусинскому, постоянно шли передачи, в которых он читал свои юморески с политическими экивоками и играл лицом. Поэты протеста устраивали на ступенях храма свои перформансы, изображали свободолюбие, пели частушки и читали иронические стишки. Словом, давали понять церковникам: «по rasagan». Они даже провели в защиту Студенческого театра поэтический марафон «Нон-стоп Кирилл и Мефодий», в котором приняли участие Владимир Вишневский, Виктор Шендерович, Гарик Сукачев, Игорь Иртеньев и другие. На ступенях парадной лестницы были поставлены свечи и устроена импровизированная сцена. Представителей церковной общины в храм не пустили.

Это, однако, не помогло, и 4 января 1995 года в храме состоялось первое богослужение – всенощное бдение накануне дня памяти святой мученицы Татианы, которое совершили священнослужители – выпускники Московского университета, прежде всего – тогдашний настоятель храма отец Максим Козлов. На следующий день была совершена Божественная литургия,

а затем патриарх Алексий II в присутствии ректора Виктора Садовниченко отслужил праздничный молебен мученице Татиане. С тех пор регулярные богослужения в Татъянинском храме не прерывались, а в конце сентября того же года туда был назначен вторым священником отец Владимир.

И вот прошло весьма малое время, и в храме появился тот самый поэт-иронист в сопровождении своей супруги. Оба они были сильно встревожены и с беспокойством ждали окончания богослужения, чтобы подойти к отцу Владимиру, с которым были знакомы еще по его журналистско-писательской деятельности. Перебивая друг друга, они рассказали, что дочь их, девица лет двенадцати, выбросилась из окна с высокого этажа (кажется, чуть ли не десятого) и сейчас лежит в реанимации. Да, они с матерью собирались куда-то ехать, мать вышла к лифту, а дочь зачем-то вернулась в квартиру и больше не появлялась. В квартире ее не было. Распахнутое окно, несмотря на зимнее время, не оставляло никаких сомнений, каким образом она покинула дом. Чудо еще, что она не разбилась насмерть: русский снег смягчил удар, хотя в сознание она после этого не приходила. Девочка эта, оказывается, как уверяли родители, хотела покреститься, а они ее удерживали, ссылаясь на ее малолетство и уверяя в том, что она сможет сделать свой выбор сознательно, когда станет взрослой. Но теперь, когда она оказалась на грани жизни и смерти, они бы очень хотели исполнить это ее желание. Однако, к каким бы священникам они ни обращались с просьбой покрестить умирающую, получали отказ: та была без сознания и не могла отвечать на вопросы иерея, задаваемые им в чине Крещения: «Веруешь ли Христу? Отрицаешься ли сатаны?» А в бессознательном состоянии покрестить человека невозможно. Вот они и пришли к своему знакомому священнику, надеясь, что, быть может, он согласится совершить это таинство над лежащей в коме девочкой.

Единственное, что мог предложить им отец Владимир, это приехать в больницу, пройти в реанимацию и покропить болящую святой крещенской водой. Что он и сделал. Я привезла их туда на машине, мы с большим трудом уговорили врачей пустить нас в реанимацию, и отец Владимир трижды крестообразно покропил ее, лежащую без признаков жизни.

И вдруг она приоткрыла глаза... Она приоткрыла глаза и посмотрела на него.

– Хочешь ли креститься? – спросил он.

Она сделала глазами знак: да.

– Тогда готовься.

Он приехал на следующий день, узнав, что она пришла в себя, и совершил над ней чин Крещения. После этого девочка стала стремительно выздоравливать. То есть, конечно, ей сделали несколько операций, заковали руки-ноги в гипс, однако через полгода у нее оставалась проблема только с неправильно сросшимся (кажется, так) мизинцем на ноге. Если учесть, что причиной этого было падение с десятого этажа, то можно сказать, она отделалась легким испугом.

На самом деле произошло чудо, и ее мать и отчим поначалу так это и воспринимали. Хотя поэт-иронист, кажется, даже не зафиксировал то, что исцеление пришло из того самого храма, против возрождения которого он так бурно протестовал.

С тех пор прошло время, и оно окончательно стерло ощущение совершившегося чуда и уничтожило в родителях девочки какие-либо остатки благодарности Господу и Его Церкви за это чудесное исцеление. Как бы все так и должно было быть, в порядке вещей, и нечего тут особенно на этом фиксироваться.

Наступила эпоха СВО, и эта семья уехала в Израиль. Уехала и уехала. Единственное, что меня корбило, это когда люди, покинувшие Россию, начали ее проклинать. Ия в соцсетях опубликовала стихотворение, даже не имея конкретно в виду эту семейку.

«Осторожно»

Горько и чистосердечно
пишется само в тетрадь:
сколько ж можно бесконечно
нашу землю проклинять?

Самозванцев, лоботрясов
время сдует без следа.
Вспоминается Некрасов:
«Осторожность, господа!»

Скользкие рукопожатья,
липкий слог, тяжелый взгляд.
Просто помните: проклятья
проклиняющих разят.

Даже тех, кто заголошно
брякнул, ляпнул без стыда.
Осторожно, осторожно,
осторожно, господа!

И в ответ – в комментариях в соцсетях – я сама получила от персонажей моего повествования клевету и проклятье. Но что особенно меня поразило, что иронист не просто обозвал меня бранным словом (к этому я отнеслась с брезгливым безразличием), а приделал к нему определение: «православная». «Православная с...». Словно и не было той милости Божьей из глубин Православной Церкви, которая излилась на эту семью, вызволяя ее из бездны ужаса и отводя от нее настоящую трагедию.

...Не это ли называется в Евангелии «хулой на Духа Святого»?

Наставник

С этим прекраснейшим человеком мы познакомились в 1982 году в селе Ракитное на отпевании и похоронах старца Серафима (Тяпочкина), чудотворца.

В ту пору он был еще молодым лаврским иеродиаконем и заканчивал Духовную академию, но его послали на послушание в Патриархию, где он «сидел на письмах» патриарха Пимена и поэтому жил в Москве, прямо там, в Чистом переулке. Двое суток он дежурил в приемной, а на третьи его отпускали в Лавру, и по пути он заезжал к нам, тем паче что жили мы недалеко от Ярославского вокзала, да и делал он это не столько по собственной воле, сколько по благословию и своего духовного отца старца Кирилла (Павлова), и нашего духовника игумена, с которым водил монашескую дружбу. Они послали его к московским неофитам, чтобы их воцерковлять, вразумлять и образовывать, и молодой иеродиакон взялся за это дело с горячим сердцем.

Он появлялся у нас с тетрадками, в которых были его конспекты академических лекций по догматическому, нравственному и сравнительному богословию, по патристике, литургике, гомилетике, по истории Церкви и даже по каноническому праву; и пока мы с ним пили за низеньким журнальным столиком чай, раскладывал их на коленях и задавал нам высокоумные духовные вопросы, на которые мы с мужем немотствовали и только недоуменно переглядывались и на которые он сам же и отвечал, время от времени подглядывая в свои записки. Получалось, таким образом, что, с одной стороны, он читает нам лекции, а с другой – в то же время сам готовится к экзаменам, ибо нет лучшего способа выучить предмет, как приняться за его преподавание, и чем невосприимчивее окажется ученик, тем более тщательно сам лектор будет усваивать предмет своего урока.

Ну, конечно, он не все время, пока сидел у нас, все только и делал, что читал и читал лекции. Разговор наш забредал порой в такие дали, обшаривая бездны и возносясь горе, а то вдруг, словно меня оптику и наставляя лупу, сосредотачивался на фактурных и шероховатых подробностях дальнего мира. Время за этими беседами пролетало мгновенно, и наш друг порой спохватывался уже тогда, когда и на последнюю, идущую в Загорск (Сергиев Посад) электричку торопиться было бесполезно. Но и в Патриархию, где охранники запирали ворота в десять часов, возвращаться было невыносимо, и тогда уже он смиренно сидел у нас всю ночь до утра, отвечая на наши порой каверзные вопросы – про гармонию на слезе ребенка, про великого инквизитора и про мировое зло.

Это исчезновение молодого иеродиакона по ночам, когда из Патриархии он уже уехал, а в Лавру так и не попал, было замечено, взято на карандаш и в конце концов вменено ему в провинность, за которую его отправили обратно в монастырь, а на его место взяли другого монаха. Но все это произошло уже потом, а пока он каждую неделю приходил к нам со своими тетрадками, дабы открыть нам тайны падшей человеческой души, которую если и можно утешить, то лишь церковными таинствами, принимаемыми с трепетом и благодарностью, да еще, конечно, силой милосердия Божьего. «Смирение, – говорил он, – вот чем только и может уповающий на Господа победить лукавого». Но именно этого у меня, как выяснилось, и не было, поэтому наш духовный наставник и друг то и дело меня смирял, обтесывая, как угловатый камень, неподатливый и неподъемный.

Например, появляется он у нас на пороге. Я говорю ему:

– Как мы рады вас видеть! Как хорошо, что вы к нам пришли!

А он мне:

– Я не к тебе пришел ине к вам пришел. Я пришел к твоему мужу Володе.

Или так: подаю я на стол еду и говорю:

– Вот, попробуйте, какой вкусный салат я сделала. И рыба – просто потрясающая.

А он, скромненько отведав, замечает тихонько:

– Салат как салат. Ничего особенного. И рыба – обыкновенная. Есть можно, а так...

Или собираюсь я куда-нибудь на выступление стихи читать, а друг наш вечеряет с моим мужем. И я, уходя, спрашиваю их:

– Ну как, нормально я выгляжу? – в смысле: достаточно ли по-взрослому, солидно. Потому что на меня, когда я несколько раз приезжала на поэтические выступления, писали доносы в бюро пропаганды художественной литературы: мы, мол, просили вас прислать к нам писательницу, а вы нам какую-то девчонку впесочили... Поэтому-то я и спрашиваю их: ну как? А друг наш тут же ставит меня на место:

– Да никак. Не такая уж ты и красивая!

Словом, работал он с нами духовно и художественно и, если где обнаруживалась какая-нибудь диспропорция, отсекал лишнее и наращивал недостающее. И вот я уже и не так гордо глядела, и старалась глаза опускать почаще, и пыталась сутулиться, чтобы казаться пониже, и голос приглушила, понизив на пол-октавы.

Но бывало, что он, как мудрый наставник, и послабления мне давал, и передышку устраивал, и даже подбадривал на узком пути. Как-то раз на Святки заехал он к нам из Лавры по дороге в Патриархию, посмотрел на меня радостно, празднично – на Рождество у старца поисповедовался, литургию отслужил, светлый, чистый. Захотел сказать мне что-то очень хорошее, доброе:

– Как же ты сегодня хорошо выглядишь! Особенно как-то. Да!

Я аж онемела от неожиданности. А он – с таким вдохновенным чувством:

– Что-то ты сегодня на Серафима Саровского похожа! Причащались, наверно?

Ручаюсь, это был лучший монашеский комплимент, который я когда-либо слышала.

Но это было еще не все. Он оглядел нас сияющими глазами и спросил:

– А вы когда-нибудь были в резиденции Патриарха?

– Нет, – ответили мы, ошарашенные его предположением, что мы могли там уже и побывать. – Да каким образом? Да как это возможно?

– А хотели бы? – спросил он скромно. – Хотели бы посмотреть, как патриарх живет, как он трапезничает, где он молится?

– Да, – тихо ответили мы.

– Ну хорошо, теперь будем ждать, когда откроется такая возможность.

А дело в том, что среди всяких заковыристых и подчас искусительных вопросов, которые мы задавали нашему наставнику, были и такие, ну, скользкие, с политической окраской: почему Церковь у нас участвует в советской борьбе за мир, например. Почему среди священников наверняка встречаются такие, которые сотрудничают в КГБ, почему патриарх Пимен молчит, когда власти закрывают храмы... Муж мой даже «Великопостное письмо» Солженицына прочитал нашему наставнику вслух, где писатель обличает церковников в сотрудничестве с безбожной властью.

И наш друг, любивший и нелицемерно почитавший патриарха, отвечал, что его противодействие безбожной власти происходит не на каком-то там социально-политическом уровне, а на молитвенном, духовном.

– Все, о чем пишет Солженицын, так и есть. Если власти закроют десять храмов, Святейший не произнесет ни одного слова протеста. Но он так молится, что власти и хотели бы все эти десять храмов закрыть, а Господь им по молитвам патриарха не дает... Поэтому они закрывают из десяти один. Вот поверьте мне, он старец, он страстотерпец, наш патриарх. Поначалу власти его ни во что не ставили, именем его мирским называли – «Сергей Михайлович» да «Сергей Михайлович», он все терпел, не перечил, а лишь молился, а потом вдруг, словно их кто надоумил, стали обращаться, как положено: «Ваше Святейшество». Поначалу ему все какие-то

письма из Кремля возили на подпись, возвания, он безропотно все подписывал. Потом как-то резко это оборвалось, перестали возить, отстали. Внял Господь молитвам нашего патриарха.

И вот на Святках звонит нам наш иеродиакон и сообщает, что сможет исполнить обещанное, если мы подойдем к воротам Патриархии в шесть часов вечера. В назначенный час мы стоим у ворот, и он проводит нас через охрану в свой кабинет, а оттуда мы попадаем прямо мехонько в резиденцию, по которой он проводит нам целую экскурсию.

– Вот ужин Святейшего, – показывает он нам на маленькую площадку, накрытую салфеткой. Под ней – два крошечных сырника из обезжиренного творога и стакан кефира.

– Вот приемная Святейшего, – он обводит рукой зал, – пожалуйста: картина Айвазовского, подарки зарубежных гостей, икона Матери Божией, подарок православных вьетнамцев, на которой она – узкоглазенькая такая, как бы вьетнамочка. А что, тут в Патриархии одна бухгалтерша есть, так она уверяла меня, что Мать Божия по национальности – русская. Здесь ничего не принадлежит лично патриарху, но – Церкви. А вот его келья.

Узенький диван, иконный угол с аналоем перед ним, письменный стол, книги, книги.

– Здесь Святейший молится – по многу часов каждый день. Иногда он закрывается здесь – уходит в затвор. Он великий молитвенник, аскет, старец. Делание его прикровенно, и власть его – духовна. Ну а теперь – в приемную.

Мы сели на старинный диван под Айвазовским. Здесь было так спокойно, так благостно, так умиротворяюще тихо, что, казалось, все страсти жизни остались где-то там, за стенами, и мы расслабились в сладостном созерцании... Вдруг то ли со двора резиденции, то ли из переулка раздались звуки возни, суеты. Кто-то что-то невнятное прокричал, что-то там закрутилось, заметалось.

Наш гостеприимный друг вдруг вскочил с места и побелел.

– Кажется, Святейший вернулся, – беспомощно проговорил он.

– Бежим! – шепотом крикнула я.

Муж сделал огромные глаза – те самые, которые так «велики у страха».

Мы принялись в панике куда-то бежать: от окна к окну, от двери к двери, то вместе, то враспынную. Это напомнило мне известный сюжет «Бобик в гостях у Барбоса». И, кажется, там все заканчивалось тем, что влетело всем.

Наконец мы выскочили на лестницу и оказались как бы уже вне патриаршей территории – возле кабинета нашего друга...

– Надо же, он сегодня в Илье Обыденном собирался служить, а наверное, плохо себя почувствовал, вернулся, – все пытался на ходу найти объяснение испуганный иеродиакон.

Шум за окнами между тем затих, возня улеглась, в доме водворились тишина и покой. Мы выглянули во двор – он оказался пуст, ворота закрыты.

– Искушение, – поежился наш друг. – Никого. Вот как лукавый может напугать, смутить...

– А что было бы, если бы патриарх и в самом деле вернулся и застукал нас там? – спросила я.

Он невозмутимо пожал плечами:

– Ничего. Вы бы попросили у него благословение. Ну, теперь вы хоть что-нибудь поняли про него? Почувствовали этот дух?

Но бывали у нас с нашим другом и курьезы. Звонит нам как-то раз по телефону некий господин и говорит:

– Нельзя ли отца (ну, предположим) Михаила?

А трубку взял мой папа, и поскольку моего брата, а его сына зовут (ну, предположим) Мишей и, следовательно, папа мой и есть «отец Михаила», то он и говорит:

– Слушаю вас.

Голос в трубке закашлялся и наконец неуверенно произнес:

– Михаил?

– А его нет. Он только что поехал к жене.

– Простите, к кому? К чьей жене?

– К своей...

– Как! А он что – разве женат?

– Давно уже, у него и дети есть.

– А-а... – тоскливо протянул голос, и в трубке раздались гудки.

И папа, наверное, тут же и забыл бы об этом странном собеседнике, если бы через несколько минут у нас не появился наш иеродиакон.

– А мне никто не звонил? – спросил он почти сразу.

Мы отрицательно замотали головами, и вдруг папа как-то напрягся, покраснел и, сконфузившись, сказал:

– Кажется, я вас только что подвел под монастырь. – И припомнил весь этот водевильный диалог.

И вот действительно, в конечном счете, вышло так, что наш друг, который так горячо и талантливо воспитывал нас для жизни в Церкви, за это пострадал, претерпел напраслину, клевету и доносы, был отправлен в Лавру на послушание гостиничника, то есть именно и получилось, что мы его «подвели под монастырь».

Но, и перебравшись туда, он не оставил нас своим попечением, и мы с мужем часто к нему приезжали, а мой муж даже и останавливался у него в монастырской гостинице, так что новое послушание нашего друга оказалось очень кстати. Впрочем, уже тогда, когда он был еще скромным иеродиаконем, да к тому же и опальным, в нем чувствовалась какая-то харизма, духовная власть, и мы даже поспорили с кем-то из его мирских знакомых, что наш иеродиакон непременно станет архиереем. И вот через какое-то весьма малое время так оно и случилось – нашего друга рукоположили в иеромонаха, потом он стал игуменом, затем архимандритом и потом, возрастая, как кедр Ливанский, был он хиротонисан во епископа и назначен на кафедру в отдаленном городе N, на которой пребывает и поныне.

За эти годы он поднял епархию, пребывавшую в разоре и запустении, открыл Духовную семинарию, успешно отражал притязания униатов, победил сектантов, взял под опеку сиротский дом и тюрьму для преступников-малолеток и, несмотря на свой величественный вид, сохранил в глазах ту юную чистоту и простоту, которые так трогали сердце еще во времена его иеродиаконства. Несмотря на Духовную академию, которую он прекрасно закончил, натренировавшись на нас, все же он был человек, как бы это выразиться, не книжный. Не начетчик. И уж конечно не фарисей. Казалось, был в нем такой прочный «каналчик», по которому он связывался с Богом. Во всяком случае, бывало так, что, когда его спрашивали о чем-то важном, он отвечал не сразу, а как бы весь погружался в себя, словно приникая к этому «каналчику» и слушая, что там ему будет подсказано.

Сожженные записи

Но не только мы с мужем некогда прозревали в молодом иеродиаконе будущего владыку, но и он, ведомый таинственными путями Божьими, провидел в моем только что покрестившемся муже будущего священника – оттого, наверное, и торопился по темным московским улицам в наше убогое жилище, раскладывал перед нами свои коленкорные тетради с конспектами и терпеливо отвечал на наши порой и вовсе идиотские, завиральные, невежественные вопрошания. Иногда, если он затруднялся с ответом и даже по его «канальчику» ему ничего не приходило, он записывал наш вопрос и задавал его старцу Кириллу, с которым виделся каждую неделю, а потом, перелистывая тетрадку, передавал нам слово в слово то, что сказал старец. Так у него возникла идея – набрать, да побольше, таких недоуменных вопросов, записать ответы старца, а потом издать отдельной книжечкой во славу Божью.

И стали мы со всех четырех ветров собирать всякие вопросы – и глобальные, и фундаментальные, и самые вроде бы мелкие, но имеющие отношение к жизни души, ибо для нее все важно, все наделено смыслом, все определяет ее выбор, а наш друг исправно привозил нам от старца мудрые ответы. Было там даже и такое: «Надо ли давать чаевые?» Старец сказал: «Если жалко, то дай. А если ты хочешь похвастаться, какой ты широкий человек, не давай ничего».

Книжка была вскоре собрана, перепечатана в четырех экземплярах, и наш друг иеродиакон отправился к старцу за благословением на ее издание. Вернулся вскоре опечаленный и сдержанно-напряженный.

– Ну что, когда книжка выйдет? – спросила я.

– Никогда. Старец не благословил ее издавать, – тихо и неохотно ответил нам он. – Ска- зал, напрасно ты все это записывал. Возьми да сожги. Я и сжег.

– Как – сожгли? Какой ужас! Что, правда вы не шутите? – ахнула я.

– Конечно! А как же еще? – Он пожал плечами. – Без вариантов.

...Через несколько лет, когда он уже стал епископом, а времена поменялись и книги с духовными наставлениями священников и ответами на недоуменные вопросы прихожан стали выходить во множестве, я сказала нашему уже митрофорному другу:

– Как же все-таки жаль, что ответы старца так тогда и остались втуне, мне бы очень хотелось сейчас их перечитать. Неужели же вы действительно сокровище это сожгли, не утаили в сокровенном ларце хоть один экземпляр?

– Сжег, – с сокрушением признался он. – А теперь я думаю, что не всегда надо так скоропалительно исполнять иные благословения... Порой надо с этим потянуть, помедлить, попридержать... Не бежать во всю прыть. Как часто повторяет сам же старец, «спешить надо медленно».

Qui Pro Quo

Наш наставник и друг стал стремительно взлетать по иерархической лестнице, был хиротонисан во епископа и уехал в свою далекую епархию, зажил там ее жизнью, ему стало не до нас... У него были свои проблемы, в том числе с властями той области, с которой территориально совпадала вверенная ему епархия. Потому что хотя времена вроде бы и поменялись и Церковь обрела свободу, но провинциальные администрации кое-где еще остались прежними – атеистически-большевистскими, и они не хотели так просто выпускать из рук власть, менять тон, лексику, повадки, замашки. И наш владыка столкнулся именно с такими задубевшими чиновниками, они напрочь отказывались регистрировать его как епархиального архиерея, называли его мирским именем – «Сергей Петрович», указ патриарха игнорировали, новые законы саботировали. И владыка возопил гласом велиим.

– Володенька, – позвонил он моему мужу, – ты ведь в прессе работаешь? Приезжай, а? Завтра у меня встреча с областной и городской администрацией. Может, если ты со своим удостоверением поприсутствуешь, они если не Бога, то хоть гласности убоятся?

И мой муж помчался на подмогу. Встретил его на вокзале какой-то незнакомец, шепнул нечто вроде пароля – «от владыки», приложил палец к губам, призывая к молчанию, сделал еле заметный знак следовать за ним. Они пришли в гостиничный номер, где их уже ждал законспирированный владыка, который поспешно растолковал, что тут к чему.

После этого владыка и мой муж – разными дорогами – отправились то ли в обком, то ли в горком, где, встретившись, сделали вид, будто они вовсе не знакомы. Мой муж показал свое журналистское «огоньковское» удостоверение местной секретарше с тем, чтобы она доложила начальству о его присутствии на встрече с духовенством. Секретарша взяла удостоверение и удалилась в начальственный кабинет. И дальше стало происходить что-то непонятное.

Оттуда тут же выкатился на подгибающихся ногах какой-то большой начальник и, трепеща от почтения, пригибаясь и льстиво заглядывая в глаза моему мужу, вернул ему удостоверение, принялся трясти руку, приговаривая: «Такая честь... вы почтили... ускорение... перестройка». После чего, взяв его под локоток, препроводил в зал заседаний, где уже собрались такие же квадратные начальственные дядьки, и усадил во главе стола. Причем своих чиновников расположил в рядок одесницу от него, а владыку с его жиденкой «архиерейской сволочью» – ошуйцу.

Муж мой испытал известную неловкость, ибо та заискивающая почтительность, с какой его здесь принимали отцы города и враги православной веры, казалась ему ничем не мотивированной. Вскоре, однако ж, все разъяснилось.

– Вот тут товарищ приехал из Москвы, из ЦК. Говорит, что ему сигнализируют, что мы якобы не можем найти общий язык с религией, так сказать. Мы должны успокоить товарища из ЦК, что все у нас с религией в нашем регионе на высоте, в своем формате.

«Что еще за товарищ из ЦК, – подумал мой муж, на всякий случай обшарив глазами зал заседаний, – что за бред?» И тут его взор упал на «огоньковское» удостоверение, которое он машинально продолжал крутить в руках. На его ярко-красной корочке было выдавлено золотыми буквами «Издательство», затем огромными и еще более золотыми – «ЦК КПСС», а ниже – куда более скромненько – «Огонек». Дело в том, что помещение журнала располагалось в издательстве «Правда», а оно действительно принадлежало ЦК КПСС.

Чиновник же, и без того испуганный непонятными новыми веяниями, при виде пунцовой книжечки и внезапно, безо всякого предупреждения, нагрянувшего «товарища из Москвы» от страха только и успел ухватить это «ЦК», а дальше и читать не стал. «Цека, Цека, Цека», – запульсировало у него в голове.

Муж мой, хотя и почувствовал себя Хлестаковым, решил поймать момент и своим хорошо поставленным голосом объявил, что в стране у нас и перестройка, и ускорение, и гласность. И чтобы «не откладывать в долгий ящик» и «не спускать на тормозах», пусть тут же, при нем, новый архиерей получит от местных властей и регистрацию, и печать, и вообще все свои законные полномочия.

– Дорогу осилит идущий, – добавил мой муж, жестами приглашая чиновников не мешкая приняться за дело.

Таким образом, все было решено за десять минут, однако местные чиновники, не привыкшие к столь стремительному развитию событий, еще целых два часа продолжали что-то докладывать «товарищу из ЦК», чтобы «он передал там, у себя, в Москве», мол, есть такие «товарищи на местах», такие Бобчинские и Добчинские, которые... Но самым утомительным и тошнотворным было то, что к ним приклеилась эта фраза про дорогу и идущего. Они, видно, решили, что это такой новый чиновничье-демократический лексический фасон. Каждый из них, вылезая с речью, начинал ее так: «Как тут верно подметил товарищ из ЦК...», «Как совершенно справедливо высказался товарищ из Москвы», «Как уже здесь было правильно подмечено высоким гостем...», «Как метко уловил наш первый выступающий...» – и дальше торжественно прибавлял, как заповедь нового времени: «дорогу осилит идущий».

– Ну, спасибо тебе, друг, – смеясь до слез, благодарил моего мужа владыка, все еще конспиративно пробравшись к нему в купе, – выручил! Так сказать, осилил дорогу!

Подворье

Но и владыка свою дорогу во всех отношениях осилил – не только потому, что при нем его епархия поднялась и расцвела, но и потому, что он свой замысел о моем муже довел-таки до конца.

Приехал он как-то к нам после долгого перерыва, в середине девяностых – уже такой солидный, хоть что на него надень, хоть пиджак, хоть свитер, а все видно, что архиерей. И вот он говорит:

– Володенька, решайся. Или сейчас, или уже никогда. Хочешь ты быть иереем Божиим или нет? Считаю, что я тебе это предлагаю.

Мой муж вспомнил, что когда-то он задавал вопрос схиархимандриту Григорию, старцу, думать ли ему о рукоположении в священники. А тот ему ответил: «Сам священства не ищи, но если предложат, не отказывайся». И твердо произнес:

– Хочу.

– Тогда поедем. Тут наша епархия получила разрешение открыть в Москве свое подворье. Вот мы его сейчас и будем искать среди еще не открытых храмов. А ты будешь в этом подворье священником. Я тебе и рекомендацию напишу, и патриарха буду о тебе просить.

И мы поехали искать подходящий храм для подворья. Но владыку все как-то не вполне устраивало – то церковка крошечная, то домик для причта мизерный, то дворик церковный мал. Так что отложили пока поиски до следующего владыкиного приезда, а он все моего мужа торопит:

– Собирай документы для рукоположения, пиши прошение, вот тебя моя рекомендация, а вот – рекомендация владыки З., он тебя еще по Лавре знает. «Аксиос» – так и сказал, как о тебе от меня услышал.

Уехал владыка наш к себе, но звонит едва ли не каждый день, спрашивает, как движется дело. И вот уже месяца через полтора моего мужа на епархиальный совет вызывают, посылают к епархиальному духовнику, вот-вот рукоположат во диакона.

– Владыка, – позвонил ему мой муж, – а храм-то для вашего подворья мы так и не нашли! Где же благословите меня служить?

– С храмом для подворья нашего еще успеется. А ты служи там, где тебя Господь поставит, – вот так владыка сказал.

И поставил Господь моего мужа служить диаконом в знаменитом мужском Сретенском монастыре, а через полгода, когда его рукоположили во иерея, – в храме святой мученицы Татианы. А вот открытия того самого Московского подворья владыкиной славной епархии, из-за которого тогда все это так стремительно и началось, и пошло, и завертелось, и свершилось, пришлось дожидаться почти два десятилетия.

Словно корабль донес моего мужа до твердого берега, а сам уплыл, растворившись вдали.

В колонии для малолеток

Наш друг владыка вел нас с мужем, который был уже священником, куда-то, мы и не спрашивали куда.

– Почему вы не спрашиваете, куда мы идем? – загадочно поглядел он на нас.

Мы приехали к нему неожиданно, просто ехали из Псково-Печерского монастыря в Москву и решили сделать крюк.

– А куда мы идем? – спросила я.

– Мы тут опекаем колонию для преступников-малолеток и уже построили прямо на их территории храм. Хочу вам все показать.

Действительно, мы приблизились к зоне, и нас встретил взвод охранников.

– Наша колония – для очень страшных преступников, – стал нам объяснять вертухай с полным ртом золотых зубов. – Тут только убийцы и насильники. Тяжелый такой контингент. А есть среди них такие, что и перевоспитать их невозможно. Сами посудите вот. – Он достал фотографию, на которой сидел страшный, обнаженный по пояс, весь в татуировках, оскалившийся во весь рот мужик, из маленьких глаз которого выглядывал ад. А на его плечо опиралась немолодая женщина с потасканным, испитым лицом и блудливой улыбкой. – У нас их сынок сидит за изнасилование и убийство. Допустим, мы тут ему объясним, что к чему, перевоспитаем, предположим, убедим начать новую жизнь, так ведь эти родители не дадут ему это сделать: «Ты чё, малой, скурвился? Ментам поганым проданся?» Так ведь и зарежут, если что.

– Ну, проведите их, покажите, где они спят, где учатся, а я пока с начальником зоны улажу дела, – попросил владыка. – А тебя, отец Владимир, я очень прошу – скажи им небольшую проповедь.

Пока мы ходили по коридорам зоны и заглядывали в камеры в сопровождении двух охранников с автоматами, под окрики: «Руки за голову! Лицом к стене!», пока осматривали классы, где у малолеток проходят школьные годы, заключенных уже собрали в актовом зале, и, когда мы туда вошли, он был набит битком.

Повсюду – вдоль стен, возле рядов, между проходами – стояли автоматчики и взирали на этих таких маленьких, плюгавеньких, страшеньких детей. У многих уже проступила на лицах какая-то страшная печать – вырождения ли, проклятия... И все они, и низкорослые, и тощие дылды, с неровными бритыми головами, низколобые, с близко сдвинутыми к переносице глазками, испускали жуть.

– Ну вот, – сказал тот, с золотыми зубами. – А теперь мы послушаем, что скажет нам небесный отец.

И он сделал жест рукой в сторону моего мужа.

Отец Владимир встал перед ними во весь свой рост, в своей широкой греческой рясе и взялся рукой за наперсный крест.

– Вы знаете уже о Христе? Вы знаете, что Он – Бог, пришел на землю, чтобы всех спасти, всех ввести в Царство Небесное. А вот скажите, кто первый вошел в рай? – начал он с вопросов.

Они загудели.

– Начальник лагеря! – крикнул один.

– Вертухай! – крикнул второй.

– Кум вошел, ясное дело, кум! – крикнул третий.

– Знамо дело, прокурор! – уверенно и лениво пробасил четвертый.

– Николай Угодник, – потянул пятый, по-видимому, «продвинутый».

– А вот и нет, – сказал отец Владимир. – Не вертухай, не кум и тем более не начальник лагеря, и не прокурор. И даже не святитель Николай. Первым в рай вошел... разбойник, получивший «вышку».

Зал ахнул и загудел.

– Пургу гонишь, батя, да не может быть, начальник! – раздалось с мест.

– Разбойник! – повторил он. – Этот разбойник признал в Христе Бога, поверил и обратился к Нему. И Христос – только поэтому – сказал ему: «Сегодня же со Мною будешь в раю!»

Тут началось такое смятение, что конвоирам пришлось срочно умирять зал. Но откровение, которое принес им священник, было так кардинально, что разом меняло и весь мир, и все, что в нем.

– Вот у вас, на зоне, какие тут есть самые страшные статьи, по которым вы сидите?

Они стали наперебой выкрикивать:

– 105, пункт д... 131-прим, пункт б... 132, пункт в... 162... 214...

– А я вам расскажу, какие у нас, в христианстве, есть статьи, за какие смертные грехи их дают...

Малолетки замерли, вслушиваясь в Божественный закон.

– Ну, как там? – спросил владыка, когда мы вышли, потрясенные, на белый свет.

...А ведь как просто, всего-то лишь: «Помяни мя, Господи, во Царствии Твоем!» – где бы то ни было, где угодно, в любой момент, всегда, везде... В буре, в воздухе, в бездне, на воде, на одре болезни, на канате, на лезвии, на кресте...

Объятье

Мой муж, ныне протоиерей, отмечающий тридцатилетие священнического служения, происходит из обширного священнического рода. Сама фамилия его – Вигилянский – имеет консисторское происхождение: такого рода благозвучными фамилиями награждали особо отличившихся в учении семинаристов, и они становились Благовещенскими, Вознесенскими, Богоявленскими, Преображенскими, Успенскими или Рождественскими. Вот и благочестивый предок моего мужа был поначалу просто Губин, а потом стал Вигилянским.

Всего существовало три ветви священников Вигилянских. Одна из них обнаружила себя в Санкт-Петербурге. Известно, что отец Борис Вигилянский был духовником возлюбленной Лермонтова Сушковой, и он-то и отговорил ее от преступного замысла бежать с сумасбродным поэтом, как тот ей предлагал.

Другая ветвь тянулась по Владимирской епархии. Недавно настоятель храма святой мученицы Татианы отец Максим Козлов, у которого под началом служит мой муж, показал ему фотографию своего то ли прадедушки, то ли прапрадедушки – протоиерея Козлова, около которого стоит и другой иерей Божий, по фамилии Вигилянский. И оказывается, оба они служили некогда в одном храме в Муроме. Причем Козлов был тогда настоятелем, а Вигилянский – вторым священником, как это и получилось поначалу в храме мученицы Татианы.

Третья же ветвь – самая мощная – располагалась по Волге. Там были и митрофорные протоиереи, и мощный протодиакон, голос которого, возглашающий просительную ектинью, удостоился записи на пластинку. И голос этот, и фотографии этих славных боголюбивых предков нам удалось услышать лишь краем уха и увидеть лишь краем глаза: вся эта роскошь хранилась у двоюродной сестры моего мужа, которая скоропостижно умерла, а имущество ее куда-то уплыло.

На отце моего мужа – Николае Дмитриевиче Вигилянском – этот славный род прервался, поскольку тот стал писателем и журналистом, потом сидел в лагере, вышел по бериевской амнистии, был поражен в правах, поселился в провинции, где чем только ни занимался – был даже учителем танцев...

Потом, уже после смерти Сталина, семья перебралась в Москву, единственный сын Николай Дмитриевича поступил в Литературный институт и стал литературным критиком и журналистом. Казалось, что священническая династия завершилась.

Но, видимо, благочестивые предки Вигилянские молились о продолжении своего рода, и Господь остановил свой выбор на моем муже. «Не вы Меня избрали, но Я вас избрал». И наша жизнь в какой-то момент вдруг резко изменила свое русло и бурно потекла туда, куда мы до того и не смели заглядывать.

И вот в конце концов 14 февраля 1995 года моего мужа рукоположили в диакона. Тут все было чудесно – и то, что хиротония была назначена на день святого мученика Трифона, которого мы очень почитали, и то, что она состоялась в храме Знамения Божией Матери, около метро «Рижская», который был «наш», куда мы много лет ходили с детьми, где знали все святыни, все иконы, всех священнослужителей, певчих и прихожан, и то, что эту хиротонию совершал сам Святейший Патриарх Алексий II.

Стоя на литургии, которая уже подходила к концу, я внезапно повернула голову, как это бывает, когда кто-то смотрит на вас сбоку и вы чувствуете этот взгляд. Я повернула голову – там был левый придел с чудотворной иконой Трифона-мученика, а далее, у окна, – распятие из Гефсиманского скита, Голгофа...

Я всегда молилась перед этим распятием, когда бывала в этом храме... Я ставила перед ним свечи. Я прикладывалась к распятому Христу, целовала скорбящих возле Него Матерь Божию и святого Иоанна Предтечу.

Но сейчас, на литургии, внезапно повернув туда голову, я вдруг увидела нечто новое, что поразило меня, нечто невероятное, невиданное мною доселе – на этот раз я увидела не прибитые ко кресту руки, не ладони с гвоздинными язвами, нет, я увидела только распахнутые навстречу мне объятия Христа, только ликующие, блаженные, призывающие объятия...

И ощущение это было так живо, словно воистину живой Господь наш протягивает ко мне милующие руки: «Приидите ко Мне...»

Господи, вот, мы пришли.

Через некоторое время я написала стихотворение.

Сердце – предатель. Сердце – всадник и странник.
Сердце – охотник в засаде и зверь в загоне.
Сердце – старый дьячок, бубнящий под нос помянник,
И – чародей на троне!

И ростовщик! Шулер! Рабовладелец!..
И фарисей. И смертник. И смерд, бузющий в плацкарте.
Ну а паче – отшельник, безмолвник и погорелец.
И второгодник на самой последней парте!..

Сквозь все его перебои и перестуки,
Сквозь кожаные его мешочки и платья
Только одно и поймешь: как ни раскинешь руки,
Получается крест...
И Распятый распахивает объятия!

Воля к жизни

Отец моего мужа – Николай Дмитриевич Вигилянский, на котором временно прервалась священническая династия, – был осужден в 1933 году на шесть лет лагерей. Ему вменялось распространение так называемого «Завещания Ленина», а на самом деле письма вождя к съезду ВКП(б) от декабря 1922 – января 1923 г. В нем содержалось предостережение о Сталине, который в своих руках, «сделавшись генсеком, сосредоточил необъятную власть», и о тов. Троцком, «чрезмерно хватающим самоуверенностью и чрезмерным увлечением чисто административной стороной дела», что может привести «к расколу партии». Там же, напротив, говорилось о новых «выдающихся силах партии» – Бухарине и Пятакове.

Сам же Николай Дмитриевич был писателем и журналистом «Известий», соответственно, «бухаринцем».

За это он загремел в лагерь на Воркуту. Однако в 1939 году вышла бериевская амнистия тем осужденным, которые были приговорены на сроки менее восьми лет. В основном это были уголовники и лишь четыре процента «политических». Таким образом, Николай Дмитриевич попал под амнистию за полгода до конца своего лагерного срока.

Амнистия застала его в лагерной больнице, где он умирал от прободения язвы. Шла осень 1939 года, в Воркуте всю лютовали морозы, и амнистированным надо было либо дожидаться поздней весны, либо немедленно идти несколько суток до железки по промерзлой тундре. Именно такой выбор встал перед Николаем Дмитриевичем: остаться еще на полгода в лагерной больнице и, если не умрет в лагере, выйти на свободу ближе к лету либо немедленно рвануть с группой амнистированных в слабой надежде на спасение.

Вот он и предпочел второе: лучше умереть на свободе, чем сгнить за полгода в воркутинских застенках. Амнистированные, готовые к суровому походу, наперебой отговаривали его: «Мы и так полумертвые и обессиленные, если что, мы тебя, доходягу, не потащим на себе, бросим там помирать. Учти».

Но он встал и пошел с ними... Наверное, молитвами своих благочестивых предков он наполнялся энергией выживания, упивался воздухом свободы и добрался до железной дороги. Приехав к родным в Москву, он тут же отправился к врачу, который обследовал его и заверил, что язва чудесным образом зарубцевалась.

Язва зарубцевалась и больше никогда до самой его кончины на восьмидесятом году жизни не беспокоила бывшего умирающего зэка.

Когда мой муж познакомил меня со своим отцом, я уже знала эту историю и была поражена свежим видом этого стройного человека, которого даже и нельзя было назвать стариком. Он принимал нас в своей квартирке, накрывал на стол и двигался с такой грациозной пластичностью, которая не давала забыть о том, что он был не только писателем, с живым пером, но и успел поработать учителем танцев.

«Ты еси Бог творяй чудеса!»

Чудесное исцеление

Незадолго до Нового года в семье близкого нам священника и его матушки родился шестой ребенок, четвертая дочка, да такая пригожая, чистенькая, красивая, что и глаз от этого младенчика не оторвать. Как положено, крестили ее на сороковой день и попросили совершить это таинство в храме святой мученицы Татианы отца Владимира, моего мужа.

На крестины в храме собралось много народа, и все с чистым сердцем и великой радостью, чувствуя себя добрыми феями из волшебной сказки, помолились о новокрещеной прекрасной девочке и пожелали ей особого Божьего благоволения.

После этого крещения еще несколько дней разливался в душе какой-то ясный и теплый свет. Как-то это все было «добро зело». Все мы за нее радовались, ведь она родилась в прекрасной семье, состоящей из трех поколений, и рядом с ней на родовом древе оказывались красавицы-сестры и веселый ясноглазый братец.

Вскоре на храмовом празднике святой мученицы Татианы, то есть примерно через месяц после крестин, встречаю я после литургии матушку с ее младшей дочкой. И она мне говорит – немного боязливо, осторожно и тихонько:

– А ведь с нами произошло чудо! Как только девочка родилась, у нее еще в роддоме взяли анализы крови и обнаружили... муковисцидоз. Это такое страшное, неизлечимое заболевание, обрекающее на раннюю смерть. И нет никакого верного лекарства, которое бы могло исцелить от него. Мы были в отчаянье, но решили перепроверить: а вдруг ошибка? Ведь девочка такая спокойная и на вид совсем здоровая. Но повторный анализ подтвердил диагноз. Хотели было и в третий раз сдавать кровь, но решили сделать это после того, как отец Владимир ее покрестит. Совсем не хотелось никому рассказывать о нашем горе.

И вот после крещения мы со страхом и трепетом сделали этот анализ еще раз и несколько дней пребывали в состоянии самого гнетущего ожидания, не находя себе места и робко уповая на милость Божью. А через неделю, а именно – вчера, нам пришел ответ, что никаких следов муковисцидоза не обнаружено! Нет, и все! Велико милосердие Господа нашего!

Глаза матушки сияли радостью и кротостью.

И мы просто молча обнялись с таким чувством, будто про себя пропели единым сердцем «Аллилуйя»!

Яд среднеазиатской гюрзы

За последнюю неделю мне рассказали о нескольких случаях сокращений по работе среди сотрудников СМИ и о возникающих в связи с этим проблемах... Кто-то заметил: «Будет, как в девяностые...»

И я вспомнила те времена, когда деньги обратились в ничто и мои друзья-приятели, из филологов и литераторов, в целях выживания то и дело загорались разными фантастическими коммерческими проектами, предлагая и мне поучаствовать в них. Кто-то подал идею отправиться в Среднюю Азию на поимку гюрзы с последующей добычей из нее яда, который, оказывается, очень целебный, и на Западе его просто «с руками оторвут», причем за огромные деньги.

Но друг мой, Геннадий Яковлевич Снегирев, классик детской литературы, сразу забрал этот проект и взамен предложил мне вместе с ним распространять среди писателей знаменитую «шпанскую» мушку, которую, по его словам, хорошо знали еще воины Александра Македонского, потому что она водилась в Персии – как раз там, где заготавливали для армии великого полководца вяленое мясо.

– На шпанскую мушку очень большой спрос, – уверял меня Гена, – она – верное средство от импотенции и ночного недержания!

Но я только смеялась, представив себе на миг, как я буду обращаться к моим знакомым – прихожанам моего мужа или к солидным таким писателям с подобным предложением.

Обсуждались в те времена коммерческие проекты и с дружественными монахами, один из которых был келарем монастыря, в былые времена кормившего не только своих насельников и трудников, но и сотни паломников, а теперь буквально в одночасье, в результате резкого обвала рубля, обнищал до того, что и самим монахам стало нечего есть...

Еще была идея клюквы. В тех краях, где красуется эта прекрасная обитель, раскинулись богатейшие леса, в которых есть и грибы, и ягоды, и болота, усыпанные клюквой.

– Клюква хорошо хранится, до весны может долежать, шкурка у нее толстая, не рвется и влагу хранит, – помню, деловито рассуждали мы. – А продавать ее можно через Эстонию, до границы с которой от монастыря километров пять, а там – напрямик в Финляндию!

Так мы сидели, вели духовные беседы, но и считали будущую монастырскую прибыль. Разговорами дело и окончилось. А году в 91-м я приехала в Печоры с детьми. И нас там накрыла очередная волна рублепада. За ночь мы обнищали дозела, и хорошо еще, что у нас были обратные билеты!

– Ну ладно, – сказала я детям, – будем искать выход, как нам тут продержаться несколько дней. Не в Москву же телеграфировать! Не у монахов же деньги просить! Не побираться же у монастырских ворот! Будем сами выкарабкиваться с помощью Божьей! Вот, посмотрим, что у нас есть.

А есть у нас колбаса! Целый батон сырокопченой колбасы, которая уж никак нам не годится в пищу, по причине начавшегося поста. Пойдем-ка на рынок и обменяем колбасу на картошку, подсолнечное масло и огурцы с капустой.

– Хорошо, – сказали мои дети, которым тогда было примерно шесть, двенадцать и тринадцать лет, – только мы в сторонке постоим, когда ты там будешь с ними меняться.

Сказано – сделано. Пошли мы по хрустящему снежку на рынок очень даже бодрой походкой, заходим, а рынок – пустой. Стоит дедок с редькой, бабка с двумя вялыми свеколками да тетка с мороженой картошкой. И ни подсолнечного масла нет, ни огурчиков соленых...

– Мила-ая! Да нам тут всем троим товара нашего не хватит, чтоб за такую-то колбасу с тобой расплатиться! Деликатес! Иди! Может, в палатке у тебя возьмут! – сказали они мне, когда я показала им колбасу.

Что делать? Пошли мы к коммерческой палатке, которая стояла возле монастыря, – я впереди, решительно, с колбасой на весу, а за мной детки мои в некотором отдалении: делают вид, что не очень-то со мной и знакомы, неловко им в продаже колбасы участвовать. А это – как раз мне куражу придает, надо же мне, чтобы они поверили: из любой ситуации можно найти выход, если не унывать и пробовать разные пути.

Итак, подхожу я к палатке и весело, но и деловито спрашиваю:

– Вам колбаса не нужна?

– Колбаса? – заинтересовалась продавщица. – А она у вас с собой?

– Конечно, с собой! – обрадовалась я ее заинтересованности, метнула победный взгляд в сторону моих деточек, которые в нескольких метрах от меня усердно рассматривали витрину, и протянула было ей колбасную палку, да, видно, руки у меня замерзли, и она вдруг выскользнула из бумаги, упала в снег и покатилась с обледенелого пригорка на проезжую часть. Я метнулась за ней, схватила прямо перед носом затормозившей машины и сунула в окошко палатки.

– Хорошая колбаса, финская, – одобрительно кивнула продавщица. – И сколько вы за нее хотите?

Об этом яи не подумала.

– Сколько дадите, – как-то воровато буркнула я.

– А сколько у вас ящиков? – в свою очередь, поинтересовалась она, блеснув глазами.

– Ящиков? Нет, она у меня одна!

Интерес в ее глазах потух, она вздохнула и поджала губы:

– Мы только оптовый товар принимаем.

И побрели мы с детьми несолоно хлебавши. Я – чуть-чуть впереди, они – на полшага сзади, с самого начала не очень-то верившие в мою затею, в то, что у нас и так все получится – без денег. И тут я подумала: «А не помолиться ли мне?» Но тут же вспомнила слова моего духовника: «Обращаться к Богу с просьбой о житейских мелочах – то же самое, что просить у царя навоза». И все же мысль моя взлетала, касаясь полы святителя Николая, нет-нет да и подбрасывавшего иногда кошелечки.

И вдруг встретили мы по дороге соседку-эстонку. То да се. Деньги пропали. Холодная зима. Магазины пусты. Руки у меня замерзли. А в руках у меня колбаса, на которую она косится, глаз оторвать не может. Эх, подумала я, перехватив ее взгляд, отдам я ей эту колбасу, она не постится, пусть ест!

Ох, она обрадовалась! Говорит, приходите, баньку вам затоплю, щами угощу!

И пошли мы к ней в баньку, и поели шей, а на следующий день она нам еще и картошки принесла, и плюшек напекла, и vareжки связала. Хорошая такая эстонка! Так что продержались мы все три дня безо всяких денег – до самого отъезда!

Впрочем, многие тогда в России это испытали на себе, много составлялось самых экзотических проектов, как заработать деньги. Моей доброй приятельнице Тане, которая жила в Италии, предлагали сбывать там за высокий процент смертельный и мгновенно действующий яд красной жабы. Причем такое предложение поступило ей от известного московского лирического поэта, знатока и любителя Боратынского, Тютчева и Ходасевича.

– Дело у тебя хорошо пойдет, – уверенно настаивал он, – там ведь в Италии богатые исторические традиции успешного использования яда – Борджиа, Медичи...

Он так наседал на нее, что она поневоле и согласилась, когда приехала ненадолго в Москву. Привез он ей пробирку с красноватым порошком, которую она легкомысленно засунула в кухонный шкаф, да там и оставила, не рискнув везти с собой через границу. А московскую квартиру сдала и уехала в Италию. Больше всего ее волновало то, что в этой сданной в аренду квартире поселились индусы, хотя знающие люди ее и предупреждали, чтобы именно индусов-то она и избегала.

Индусы, объясняли ей, особый народ: у них таракан является священным животным, которое нельзя истреблять. И поэтому индусы не только не борются с нашествием тараканов, но даже специально заводят своих, каких-то особенно больших и зловещих, которым и поклоняются, как тотему.

Поэтому Таня опасалась лишь того, как бы ее арендаторы не заполнили квартиру страшными насекомыми, а про красную жабу она и вовсе забыла. И тут звонит ей лирический поэт, высказывает свое «фэ» за ее коммерческую бездеятельность и требует обратно свою пробирку с ядом.

Приезжает она в Москву, приходит в свой дом, где ее встречает благополучная индусская семья со всеми чадами и домочадцами, удостоверяется в отсутствии тараканов и, весьма довольная этим, лезет в кухонный шкафчик. А пробирки-то там и нет!

– А где пробирка с красным порошком? – спрашивает она счастливую индусскую семью.

– Съели, – честно признаются они. – Мы ими, как приправой, макароны посыпали. Очень вкусно. Как называются эти специи?

– И... давно вы эти макароны с приправой ели? – спрашивает Таня, холодея от ужаса.

– Да уж недели две, как она закончилась! Но если надо, мы вам свои, индийские приправы можем дать! У нас тоже хорошие.

– И как вы себя чувствуете? Не болеет ли кто?

– Хорошо чувствуем! Бодро!

Она вздохнула с облегчением и перекрестилась.

А недавно одна моя знакомая дама, которой я не без смеха когда-то рассказывала о наших несостоявшихся коммерческих проектах, захотела меня подколоть.

– Конечно, – произнесла она, – я ведь занимаюсь интеллектуальным трудом. Я ведь не как некоторые, – тут она выразительно посмотрела мне в глаза, – которые торгуют клюквой и продают колбасу.

– Что клюквой! – тут же откликнулась я, махнув рукой. – Ты лучше скажи: ядом среднеазиатской гюрзы!

Семейное богословие

В этот ноябрьский день в Москве был объявлен «снежный Апокалипсис»: намело так много снега, так заледенели ветки деревьев, и дороги, и провода, что стало опасно передвигаться по улицам даже пешком, не то что на машине. Мой муж, который собирался ехать из Переделкина на вечернее богослужение в центр Москвы, сказал:

– Поеду на электричке. Ты только довези меня до станции, а там уж я сам.

Я суетилась около него, боясь, что он что-нибудь забудет: очки, лекарства от давления, телефон, шапку, перчатки, ключи от квартиры, где он собирался ночевать, и поминутно донимала его вопросами, все ли он взял, что, честно говоря, его немного нервировало.

Наконец я вышла из дома, чтобы расчистить машину от снега и разогреть мотор. Тут пришел и отец Владимир, и мы двинулись на станцию, но метров за сто до нее встали в пробке: железнодорожный переезд был закрыт, и мой муж решил дойти до электрички пешком. Я развернулась и через пять минут уже входила в дом, когда раздался звонок:

– Слушай, я в последний момент решил надеть пальто вместо куртки, а в ее кармане остались и ключи от квартиры, и мои лекарства...

– О! – возгласила я. – Так я и знала! Все ты забыл, это какая-то патология! Сейчас я привезу.

И я опять села за руль и покатила к станции. Не доезжая до нее, на площадке возле нового храма в честь святого благоверного князя Игоря Черниговского стоял отец Владимир, разговаривая с какой-то женщиной, которая приветливо и даже радостно со мной поздоровалась, как со знакомой. Я передала моему мужу то, что он оставил в кармане своей куртки, помахала ему рукой и укатила восвояси. А он пошел к станции. Но не успел он пройти и нескольких метров, как проехавшая мимо него машина, попав на полном ходу колесом в яму с черным грязным месивом, окатила его с головы до ног. Пальто, ботинки, брюки, да что там, лицо, волосы, даже воротник белой рубашки, едва выглядывавший из-под шарфа, – все оказалось заляпанным этой черной смесью! Тем не менее он, боясь опоздать, заторопился на электричку, где уже кое-как салфеткой стер со лба и щек липкую густую жижу.

Рассказывая мне о том, что с ним случилось, он все же произнес не без укора:

– Ты с таким раздражением отнеслась к тому, что я оставил дома необходимые вещи! И что сказала? «Патология!» Вот чем твое злое слово обернулось...

Я была поражена и долго обдумывала этот странный ход его мысли. А он смотрел на меня так, словно был обижен.

Но женщина, которую он случайно встретил возле храма, когда ждал меня с ключами, восприняла это совсем, совсем иначе. Вот как выглядела эта история в ее глазах:

«Какое чудо! Вышла я из храма, томимая унынием, и думаю: как давно я не была у отца Владимира! Как бы к нему доехать! Вот бы увидеть его сейчас и хотя бы немного поговорить!.. И вдруг он выходит из темноты и идет прямо ко мне! И сразу у меня на душе такая радость!..»

Этим она поделилась с моей дочерью. А та, будучи посвящена в наши версии этого события, глубокомысленно заметила мне:

– Вот, никогда мы не знаем, зачем с нами произошло то или это. Может быть, папа и ключи-то дома забыл, чтобы Господь подвел его в тот момент к этой унывающей рабе Божьей для ее утешения.

– А враг рода человеческого, должно быть, за это ему и отомстил, швырнув грязью в лицо, – завершила я диалог в духе этого семейного богословия, нашей доморощенной экзегезы.

Семейные поговорки

У каждой семьи всегда есть какой-то свой колорит, свой мелос, свои святые, которые считаются особенными покровителями и о помощи которых уже есть живые свидетельства, входящие в семейные предания. Такими сугубыми помощниками, защитниками и наставниками у нас стали преподобный Серафим Саровский, разумеется, святой праведный Алексей Бортсурманский, святитель Николай Мирликийский, святой мученик и чудотворец Трифон, святой Спиридон Тримифунтский, святой равноапостольный князь Владимир и святая равноапостольная княгиня Ольга. Удивительным образом они как бы постепенно стали тоже «своими» в нашей семье.

И, конечно, не только они: тут и преподобный Сергей Радонежский, и святой мученик Корнилий, и святитель Филипп, и святая равноапостольная Анастасия Узорешительница, и святой великомученик Георгий Победоносец, и святой великомученик целитель Пантелеимон, и архистратиг Михаил со всеми небесными силами бесплотными, помощь которых мы чувствуем в час невзгоды и скорби...

У каждой семьи есть свой обиход, свои бытовые ритуалы, свои истории, общие друзья, общие приключения, общий опыт, общие правила и законы жизни.

Например, мои дети с самых малых лет испытали на себе, что на всякое лукавство с их стороны они получают ответное коварство. Каждый утаенный или присвоенный ими незаконный рубль обернется десятерными потерями. Этому они научились на собственном опыте, весьма наглядном.

Как-то раз старшие – погодки Александрина и Николай, девяти и десяти лет, – должны были куда-то поехать на метро и подали в кассу рубль, чтобы им выдали пяτάчки и сдачу. А кассирша заработалась и перепутала, решив, что ей дали не рубль, а три рубля. И вернула им два пятачка и два рубля девяносто копеек, что они с удовольствием и забрали. Накупили себе на эти деньги мороженого, конфет, угостили дворовых друзей, словом, кутили несколько дней.

Вскоре я послала их в магазин за хлебом и дала им десять рублей. А кассирша, видя, что перед ней какие-то несмышленные школьники младших классов, дала им сдачу с одного рубля, а девять заныкала себе и на все их недоумения и просьбы отвечала, что получила с них всего один рубль. Когда они прибежали домой и рассказали мне о коварном обмане, поневоле припомнили случай с утаенными деньгами, которые были им выданы по ошибке. С тех пор у нас железное знание: за обман и лихву будешь отвечать десятерным ущербом.

Есть в семье и свои поговорки, намекающие на определенные ситуации. У кого-то это мемы, взятые из популярных кинофильмов («Коротенько, минут на сорок», «А часовню – что, тоже я развалил?», «Эта нога – у кого надо нога») или книг («Утром деньги – вечером стулья», «Шел в комнату – попал в другую»). А у кого-то – словесные обороты, понятные лишь узкому кругу «своих», «словечки», за которыми стоят разные сюжеты. А эти «словечки», применительно к новым жизненным поворотам, становятся то ли метафорой, то ли шифром, то ли ключом для их понимания, недоступного для «внешних».

Есть такое и в нашей семье.

«А Андрей Болконский умрет!»

Так сказала нашей 14-летней дочке Александрине соседка по Печорам, бывшая учительница литературы Эльвира Иванна.

– Что читаешь? «Войну и мир»? Какой там у тебя том, первый?

Огонек воодушевления загорелся в ее глазах, видно было, что ей хочется что-то еще добавить, но она сдерживается изо всех сил. В конце концов она не выдержала и выпалила:

– А Андрей Болконский умрет!

Теперь мы это говорим в ответ на чью-то попытку подсказать развязку детективного фильма или окончание недочитанной книги.

«А вы его уже съели, Семен Абрамович!»

Было время, когда нам с нашими детьми-младенцами было некуда уехать из пыльной, душной Москвы на лето. А денег у нас, еще студентов, совсем не было на то, чтобы снять загородное жилье. И вдруг знакомые знакомых предложили нам пожить на их даче в Поваровке совсем бесплатно. Единственным условием было ухаживать за стариком, владельцем этой дачи.

Старик Семен Абрамович был из бывших то ли управленцев, то ли завхозов, поэтому дача у него была по тем временам весьма и весьма основательная и просторная, окруженная зарослями старого сада. Мы и согласились. Сам он был человек вежливый и непритязательный, однако на завтрак он привык в течение многих лет съедать одно и то же: рыбку (шпроты или лосось), творожок, свежий огурец и запивать это все стаканом кефира, о чем нам и сообщили его родственники, которым было неохота с ним возиться.

А поскольку времена были не очень щедрые на продукты питания и не всегда можно было достать не только шпроты, лосось или сайру, но даже и свежий огурец, то я спросила: «А что делать, если вдруг чего-то из этого гастрономического набора не окажется в то или иное утро?» И родственники уверили меня, что это ничего страшного и, если Семен Абрамович спросит, предположим: «А где рыбка?» – надо ему просто твердо сказать: «А вы ее, Семен Абрамович, уже съели».

Раза два-три мне действительно пришлось прибегнуть к подобному лукавству, а Семен Абрамович только благодушно закивал в ответ и заулыбался своей «забывчивости»: поверил.

И теперь всякий раз, когда у нас встречается какой-то жизненный «облом» (то денег нам недоплатили /не заплатили, то не выполнили какие-то обязательства, то обманули), мы повторяем, стараясь сохранять благодушие:

– А вы его, Семен Абрамович, уже съели!

«Творожок оставь!»

Эта сценка разыгралась на наших глазах. Был у нас близкий друг – детский писатель Геннадий Яковлевич Снегирев. Одно время он очень заинтересовался тибетской медициной и старался лечить всех, кого ни увидит. Так однажды он встретился у нас дома с поэтом Евгением Винокуровым, с которым был хорошо знаком, и предложил исцелить его от лишнего веса, которым тот страдал. Далее между ними произошел вот такой диалог:

– Хочешь, я тебе засажу доминанту, что ты есть перестанешь?

Снегирев усадил Евгения Михайловича в кресло и начал сеанс:

– Вот суп, он наваристый, мясной, вкусный, суп харчо. Но в нем мыли ноги, грязные, потные, вонючие, волосатые мужские ноги...

– Какая гадость! – наконец воскликнул Евгений Михайлович.

– Снимаю! – кричал Снегирев. – Все – супа нет!

– А вот бифштекс, а вот осетрина фри. Они покрыты хрустящей корочкой, они блестят маслом. Но внутри у них завелись черви – большие белые черви, они кишат, извиваясь, – шевелил Снегирев у него перед носом своими артистическими пальцами.

– Какая гадость! – стонал Евгений Михайлович.

– Бифштекс и осетрину – снимаю! – кричал Снегирев.

– Пошли дальше. Вот – баранья косточка, а вот сыры, ветчины, колбасы, карбонат, зельц, холодец, курочка с рисом, яйца под майонезом...

– Творожок оставь! – не выдержал вдруг Винокуров. – Все бери, только творожок не трогай!

Это стало у нас крылатой фразой. Когда начинается полоса неудач и материальных потерь, мы повторяем:

– Творожок оставь! Только творожок не трогай!

«Советский власть – хороший власть! Только маленько долгий...»

Это рассказал нам все тот же Гена Снегирев, путешественник, объездивший весь Советский Союз и особенно полюбивший Бурятию.

«Пастух верхом на лошади пасет овец в Бурятии, так?.. Я подъезжаю на своей лошади, здороваюсь по-бурятски: мэнд-э-э-э – чем дольше тянешь, тем больше уважения. Спрашиваю, есть ли у него спички. Прикуриваем. И мы с ним беседуем, так? И он мне говорит: „Советский власть шибко хороший власть, только маленько долгий“».

Всякий раз, когда происходит какое-то занудство, стояние в очереди или какое иное томительное и пустое ожидание, мы повторяем эту фразу:

«Советский власть – хороший власть. Только маленько долгий!»

«Можно-то все! Были б средства»

Ну, это пошло от главного инженера-электрика Виктора, который взялся менять нам проводку в доме, который мы, по благословению нашего духовника, купили в Печорах. Это было самое начало девяностых, когда прошла волна дефолтов, обмена денег и так далее. Никто в ценах ничего не понимал, поэтому в Печорах даже за копеечную работу стали заламывать огромные деньги, да еще и в валюте.

И вот этот Виктор ходил по нашему дому, осматривая фронт работ, и на каждую мою просьбу, вроде указания места для розетки или выключателя, отвечал:

– Можно-то все, были б средства!

Фраза эта у нас прижилась, особенно когда у кого-нибудь возникают фантазии по усовершенствованию нашей бытовой жизни.

«Ну какой ты полковник! Ты же вор, сынок!»

Это нам досталось от нашего друга – монаха-иконописца Алипия, Царство ему Небесное. Одно время он жил и писал иконы у отца Николая Гурьянова и был свидетелем такой сцены.

К отцу Николаю приехала очень высокопоставленная дама. Ее привез охранник, полковник, между прочим. И просил, чтобы она замолвила за него словечко перед отцом Николаем и тот бы его принял.

Дама поговорила с батюшкой и попросила побеседовать с ее охранником. Тот вошел, представился: полковник.

Но отец Николай его перебил и произнес ласково:

– Да какой ты полковник, ты же вор, сынок!

Ну, и с тех пор, когда мы встречаем самозванца или просто тщеславного человека, который набивает себе цену, мы повторяем:

– Ну, какой ты полковник! Ты же вор, сынок!

«У нас свое!»

Еще до рождения детей мы поехали с моим мужем в глухую деревню Бухарево на реке Мера, расположенную на границе Костромской и Ивановской области, и прожили там два летних месяца. Деревня была умирающая, осталось в ней всего несколько жилых изб, да и то молодняк из них поужал в город.

Нашими соседями была семья Андрея, который, окая, называл себя Ондрей, и состояла она из его жены Дусёны и сынка, примечательного тем, что выглядел он лет на тринадцать, хотя

ему вот-вот должно было исполниться все восемнадцать и он готовился к осеннему призыву в армию.

Дусёна почти каждое утро заходила к нам, стояла в дверях, подпирая дверной косяк, и смотрела, как мы едим гречневую кашу с коровьим молоком.

– Тетя Дуся, присаживайтесь к столу. Давайте с нами! Кашки?

Видно было, что ей очень хочется, она оглядывалась, не идет ли ее Ондрей, который гонял ее от нас, но она сдерживается.

– У нас свое-е! – тянула она, хотя никакой гречки в те годы, да тем более в такой глуши, не было.

Ну, это и прижилось у нас: когда кто-то отказывался от приглашения или когда, наоборот, мы не хотели идти туда, куда нас звали, мы, понимающе переглядываясь, говорили:

– У нас свое!

«Свои не будут»

А это досталось от моей бабы Нади. Она приехала к нам на несколько дней пожить и заодно попала на какой-то семейный праздник. Было приглашено много народа. Мама наготовила всякие вкусности, но в последний момент обнаружила, что к чаю-то ничего и нет. Баба Надя вызвалась сходить в ближайшую булочную и купить торт или пирожные.

Вскоре она вернулась, и оказалось, что купленных ею пирожных кот наплакал.

– Баба Надя, – сказала мама, – ну вы прямо как украли! Этого же явно не хватит на всех!

И тогда баба Надя гордо ответила, как отрезала:

– Свои не будут!

Это осталось с нами. Вроде того, что, если кто из своих бессознательно потянется за тем, что предназначено гостям, мы ему:

– Свои не будут!

А можно в этом случае сказать и так:

– Вы его уже съели, Семен Абрамович!

Восхождение

В 2002 году мой муж – протоиерей Владимир Вигилянский – пережил серьезную операцию, которая длилась около пяти часов и не гарантировала выздоровления. Весь год он чувствовал тяжелые последствия перенесенной болезни, операции, которая прошла под тяжелым наркозом, и неотступно просил Бога об исцелении. Мы молились с ним у многих чудотворных икон и мощей, объезжали русские и греческие монастыри и святые места, и, конечно, особенно важным для страждущего человека представлялось паломничество на Афон. А тут как раз трое прихожан отца Владимира выразили свое горячее желание отправиться туда вместе с ним.

Он написал письмо патриарху с просьбой о благословении на поездку вместе с тремя прихожанами и вскоре получил таковое. Пока с волнением готовился к паломничеству, прочитал множество книг об Афоне, о его истории и подвижниках и был под большим впечатлением. Особенно его поразил рассказ епископа Петра Ладыгина (середина XIX в.), который в юности подвизался в Андреевском скиту. Игумен благословил его молиться по четкам и сказал:

– Когда будешь молиться, смотри, не пугайся, враг тебя будет пугать, а ты никуда не уходи с места, стой и молись, он ничего тебе не сделает.

Ночью в келье, когда паломники (их тогда называли «поклонниками») улеглись спать, Потапий (мирское имя будущего епископа Петра) стал молиться по четкам.

«И вдруг в дверь страшный удар, – пишет он, – но стою и молюсь. Потом второй удар, по углу как ударит, так думал, что весь корпус развалится, но я стоял и молился. Потом из-под нар, где спали поклонники, выбрасывается сундучок прямо к моим ногам. Все поклонники соскочили, перепугались, я стоял на месте и не сходил с места».

На следующее утро он подходит к игумену брать благословение, а тот спрашивает:

– Как, брат Потапий, молился по четкам?

– Молился.

– Ну как, не пугали тебя?

– Пугали.

«...Что же это за место такое, где Господь попускает врагу рода человеческого являть себя так явно?» – думал мой муж перед отъездом на Афон.

Наконец все формальности были улажены, виза и разрешение получены, билеты куплены, паломники прибыли в Уранополис, где и сели на корабль, который повез их к благословенному острову.

На корабле плыл молодой иеродиакон, с которым отец Владимир разговорился. Тот рассказал, что за год до этого покинул Свято-Пантелеимонов монастырь и уехал на Украину, чтобы ухаживать за больной матерью. И вот теперь опасается, примут ли его обратно.

– А вы что – впервые едете на Афон? – спросил он. Иеродиакон был в радостном ожидании, приправленном тревожным возбуждением.

– Впервые, – кивнул отец Владимир.

– Послужите, конечно! – иеродиакон доброжелательно кивнул. – Надо обязательно послужить в церкви Преображения Господня на самой вершине горы Афон. Когда настанет конец света и воды затопят весь остров, лишь эта церковь будет возвышаться над волнами, и в ней, как говорят старцы, будет совершена последняя Божественная литургия перед Страшным Судом!

Простодушное лицо иеродиакона светилось блаженством, словно он уже сам сослужил отцу Владимиру в этой церкви на вершине горы Афон, и тот сердечно поблагодарил участливого иеродиакона за совет, решив, что тут так принято: приехал – послужи в храме Преображения Господня.

Прибыв в Свято-Пантелеимонов монастырь, он хотел было сразу пойти к наместнику, но тот был в отъезде. Его заменял благочинный и духовник монастыря игумен Марк. На исповеди

отец Владимир его спросил, как его и научил иеродиакон, можно ли ему послужить в храме Преображения, на что отец игумен ему ответил:

– Завтра ко мне подойди, я тебе отвечу.

Отец Владимир несколько смутился: ему казалось, что вопрос его очень простой, тот сразу скажет свое «да» или свое «нет».

За трапезой он познакомился со священниками, приехавшими из России, и рассказал им и о своем желании, и о своем недоумении ответом игумена, но они лишь улыбнулись его наивности:

– Да ты что, там служат лишь раз в году – на Преображение, а в другие дни – лишь архиереи, да и то не всем разрешают.

Предчувствуя отказ, отец Владимир тем не менее подошел после трапезы к игумену и напомнил ему о разговоре, произошедшем накануне.

– Так там ничего нет – ни антиминса, ни облачений, ни сосудов, – ответил тот. – А один ты туда ведь этот скарб не донесешь.

– Яс тремя паломниками, получившими благословение патриарха. И к нам хотят присоединиться еще два священника из России, тоже со своими духовными чадами. Один – настоятель Свяяжского монастыря игумен Кирилл (Коровин), другой – священник из Подмосковья отец Владимир Воробьев, однофамилец ректора Православного Свято-Тихоновского института, бывший офицер.

– Обратись к нашему ризничему – он тебе все даст, – кивнул отец благочинный.

Целый день отец Владимир стучал в келью ризничего, но тот появился лишь вечером. Выслушав благословение игумена, он едва скрыл недовольство, поскольку собирать надо было многое – вплоть до Евангелия и газовой плитки с баллоном для того, чтобы вскипятить воду для замывания Чаши и приготовления теплоты. Тем не менее к утру все было готово, и паломники двинулись в путь.

– Там, немного выше Агия Анны, есть поляна, это первая остановка паломников, где можно передохнуть. Там же спустившиеся с высот паломники оставляют свои посохи, на которые они опирались, взбираясь вверх. Поэтому посохи брать из Пантелеимонова монастыря не обязательно, их можно подобрать там, на поляне.

Доплыли на кораблике до Дафни – самого большого порта Афона. Там всех попросили выйти на берег, чтобы служба безопасности могла проверить, все ли в порядке на борту. Поскольку надо было купить вино для богослужения, зашли в магазин. Там среди прочих товаров отец Владимир увидел резные трости, которые ему понравились, и он решил купить одну – для подарка или себе в коллекцию: была у него трость с Синая, была с Фавора, вот теперь будет с горы Афон. В ручки этих тростей был зачем-то вделан свисток, и это удивило его. Спутники, увидев, что он купил такой посох, тоже решили не отставать и взяли себе по одному. Также со свистками. И как это потом им пригодилось!

Снова сели на кораблик и поплыли на юг – до Агия Анны. Однако до самого скита надо было добираться по каменным, вытесанным и выложенным монахами ступеням, числом тысяча, метров триста пятьдесят. По дороге нагнали старенького монаха, лет семидесяти пяти, а то и восьмидесяти, который поднимался в гору, подгоняя осла, груженного мешками, и были пристыжены тем, что он смотрелся очень бодрым и даже веселым, в то время как они едва переводили дух.

Когда, выбившись из сил, они туда добрались, спросили у встретившегося на пути монаха:

– Сколько еще до храма Преображения Господня?

– Более двух тысяч метров, – ответил он.

Добрались наконец до обещанной поляны, где бил источник и где можно было немного посидеть и перевести дыхание. Однако никаких оставленных предыдущими паломниками

посохов там не оказалось. А трости, купленные в Дафни, пришлось как нельзя кстати, потому что дальше ступени кончились, пришлось подниматься гуськом по извилистой крутой тропе, а под палящим солнцем это становилось все мучительнее: пот лил градом, подряски и рубашки липли к телам, а яркий свет слепил глаза.

Ну что ж, известна история, как по этой тропе одного архидиакона из Оптиной Пустыни, который выбился из сил и не мог уже идти сам, обмотали канатом и тащили что было мочи...

– Ой, отец Владимир, змея! Вы наступили на змею! – услышал вдруг крик тех, кто шел за ним, мой муж.

И, действительно, из-под ноги его, как черный шланг, выскользнула змея, которую он поначалу и не заметил от жары и усталости, и ускользнула в кусты.

– «На аспида и василиска наступиши...» – процитировал кто-то вслух.

К вечеру, часам к пяти-шести, поднялись наконец на полторатысячную высоту, после которой путь становился плоским, – это был последний перед подъемом на гору Афон скит Панагия, где можно было отдохнуть, а потом совершить завершающий рывок вверх и вверх. Примерно через час подошли к скиту.

Там можно было послужить вечерню, отдохнуть, перекусить, поспать, чтобы ни свет ни заря отправиться на восхождение к заветной цели. В скиту было две большие комнаты, в одной из которых уже расположились немцы-туристы, а другую заняли отцы со своими спутниками. Внутри располагался и храм, где дружно помолились и каждый стал укладываться на каменный пол, подстелив под себя одеяла, лежавшие тут же. Стало темно. Ворочаясь на жесткой подстилке, кое-кто ухитрился заснуть, а кто-то – даже и захрапел. Отец Владимир все никак не мог устроиться поудобнее, да и храп этот ему мешал, так что сон все не приходил, несмотря на усталость.

Вдруг в дверь кто-то постучал. Он удивился – неужели кто-то запер дверь, да и принято ли здесь ее запирать? Он встал, дверь была не заперта, и он распахнул ее. Но там никого не было. Он вышел на воздух. Вокруг стояла полнейшая тишина. Полная, налитая светом луна освещала пространство, да так, что деревья и кусты отбрасывали черные тени. Убедившись, что вокруг ни души, он вернулся обратно, лег на свою подстилку и попробовал заснуть. Только задремал, как стук повторился. Но на этот раз он был куда сильнее и настойчивее, словно кто-то бил в дверь тяжелыми кулаками.

Многие проснулись, зашевелились. Пошли проверять, кто там пришел. Но за дверью, как и в первый раз, не обнаружили никого.

Пошутили, легли. Вдруг раздался не просто стук, а страшный удар, будто кто-то решил протаранить стены и бил в них бревном, дом аж задрожал. Тут уже проснулся и тот, кто громче всех храпел, да и немцы повылезли, испуганные, из своей комнаты, спрашивая, что же происходит, что это может быть.

Поскольку другого объяснения этим буйным незримым визитерам не было, немцам объяснили, что это бесы: лукавый все не уймется, не хочет дать отдохнуть священникам и богомольцам перед богослужением.

Решили пойти крестным ходом вокруг скита. Двинулись посолонь, со свечами, с пением молитв и псалмов и крепким упованием на Господа, Которому дана власть над всей силой вражьей. Спели «Верую», «Отче наш», «Да воскреснет Бог». Во всей округе не было ни души, лишь луна освещала их своим перламутровым сияньем.

Вернулись. Полчаса было все тихо. Немцы удалились на свою половину. Только смежили веки, как опять началось: казалось, кто-то хочет вовсе снести этот дом, стереть его с лица земли вместе с паломниками и туристами. Никто уже и не помышлял о сне.

Решили: раз заснуть все равно уже не удастся, надо принять это как знак и идти в гору, в храм – готовиться к Божественной литургии. Понадеялись на лунный свет.

– Там светло, найдем.

Кто-то сказал:

– Без фонариков и свечей трудно будет – там идти надо по голым камням, и путь отмечен красными метками.

Фонарик оказался лишь у одного из паломников, его и пустили вперед. Пока дошли до горы и только-только начали подниматься, как небо заволокло, луна скрылась, как будто ее и не было, упала крошечная тьма, а на гору опустился туман. Все десять человек, вытянувшись цепочкой и стараясь не отставать, двинулись вслед за тусклым фонариком, луч которого то и дело вовсе пропадал, не в силах одолеть клубящееся марево, в котором уже ничего не было видно. Кто-то отстал, кто-то шагнул в сторону, все перекрикивались, аукались, и тут вспомнили про свистульки в своих спасительных посохах. Стали пересвистываться, шли на свист. И когда уже увидели огромный крест, стоявший в ста метрах от храма, и на нем в последний раз задержался отсвет луны, вдруг пошел проливной дождь. Он мгновенно вымочил всех до нитки, а кроме того, пролившись, сделал куски мрамора, которыми была усеяла тропа, настолько скользкими, что по ним уже невозможно было идти без риска упасть и покалечиться. Меленькими, осторожными шагами, мокрые настолько, что можно было выжимать и одежду, и волосы, паломники наконец добрались до храма, где спал одинокий англичанин.

Переодевшись в сухие облачения, стали готовиться к службе. Раскочегарили газовую горелку, достали вино для причастия, сами пели, сами читали. Священники поисповедовали и причастили всех и вспомнили святых отцов, которые говорили: «Диавол не знает будущего. Он может помешать человеку сделать благое дело, но он не ведает, к каким последствиям это приведет».

– Если бы мы утром проснулись и увидели этот проливной дождь, может быть, мы не решились бы подниматься на гору, – продолжил один из священников. – Но лукавый вынудил нас, не дав поспать, выйти среди ночи, среди крошечной тьмы, думая, что тем самым досадит нам, а быть может, и причинит страдание, кто-то получит травму, сломает себе что-нибудь на скользких, острых камнях... Но тем самым он, напротив, ускорил наш путь, большую часть которого нам удалось пройти еще до того, как начался этот проливной дождь.

Паломники спустились на пристань и отправились к святыням Афона: были и в Хиландаре, и в Ватопедском монастыре, и еще много где, молились перед чудотворными иконами, прикладывались к святыням, и отец Владимир вернулся оттуда с таким чувством, словно он побывал в Царстве Небесном, и с таким лицом, словно на нем так и остался этот отблеск.

Но вот удивительно: многие, кто когда-то приезжал на Святой остров, через какое-то время начинали по нему тосковать и стремиться вновь оказаться там. А отец Владимир сказал, что больше никогда туда не поедет.

– Но почему? Ведь с тобой там происходили такие чудесные истории? – спросила я.

– У меня там возникло такое чувство присутствия Божьего, что оно не оставляет меня до сих пор. И мне не хотелось бы, чтобы на то, что я увидел тогда на Афоне и что так живо во мне и поныне, накладывались другие впечатления.

... Такое бывает, когда душа полна и уже не ищет избытка.

Страж при иконе

Совсем недавно мы с моим мужем, отцом Владимиром, побывали на конференции в Казани. Конференция была приурочена к празднованию иконы Божией Матери «Казанская» и завершалась на высокой ноте: патриаршими богослужениями, крестным ходом и закладкой камня в основание разрушенного большевиками Казанского собора на месте обретения чудотворной иконы в Казанском Богородицком монастыре.

Мы прочитали свои доклады и слушали выступления других участников конференции, некоторые из которых были посвящены собственно чудотворной иконе «Казанская», истории ее так называемого «Ватиканского списка», который недавно был возвращен в Казань.

После Октябрьского переворота икона эта была в числе других церковных ценностей продана большевиками в 1920 году.

Специалисты полагают, что это старинный список с первообраза древней иконы «Казанская» и атрибутируют его кто началом XVIII века, кто веком XVII, а кто и вовсе утверждает, что ее происхождение принадлежит XVI веку. Впрочем, один из исследователей доказывает, что, судя по составу краски, она не могла быть написана позже 1450 года.

Как бы то ни было, но драгоценнейший оклад этой иконы, покрытый позолотой и украшенный шестьюстами шестьюдесятью алмазами, ста пятьюдесятью восемью рубинами, тридцатью двумя изумрудами, шестью сапфирами и ста пятьюдесятью жемчужинами, которые являются овеществленной благодарностью богомольцев, свидетельствует о том, что икона воистину совершала чудотворения.

Итак, икона была продана за границу, а именно – частному коллекционеру из Великобритании, затем ее приобрел английский миллионер, завещавший свое достояние приемной дочери, а та перевезла икону в Гонконг. В 1959 году она решила ее продать, для чего и переправила в США, где икона была исследована и оценена в полмиллиона долларов. Архиепископ Иоанн Шаховской сделал попытку выкупить ее, но ему не удалось собрать среди православных людей этой колоссальной по тем временам суммы.

Икона хранилась в сейфе банка Сан-Франциско, однако представитель ее владелицы Джон Хеннеси дал согласие провезти ее по Америке и Канаде, где десятки тысяч верующих смогли перед ней помолиться и приложиться к святыне. Икону возили под охраной, а кроме того, она была заперта в переносном сейфе в виде кейса, который Джон Хеннеси пристегивал к своему запястью наручниками.

В конце концов в 1970 году икона была куплена Апостолатом святой Фатимы за миллионы долларов и перевезена в Португалию, где хранилась в сейфе Лиссабонского банка. Впрочем, время от времени ее выставляли для поклонения в церкви Фатимы и в Византийской часовне, где через нее верующие продолжали получать помощь и исцеления. За это время ее риза украсилась еще несколькими сотнями драгоценных камней и тысячью жемчужин.

В 1993 году она была перевезена в Ватикан и скрылась в личных покоях Папы Иоанна Павла Второго, который перед ней, как он утверждал, ежедневно молился. Но в августе 2004 года, когда у католиков появилась надежда на сближение с Русской Православной Церковью, Папа передал эту икону в дар Московскому Патриархату. Она была привезена в Москву делегацией Ватикана во главе с кардиналом Вальтером Каспером и передана лично в руки Патриарху Московскому и всея Руси Алексию II. А он, в свою очередь, решил вернуть ее туда, откуда она была некогда изъята, – в Казань.

...Собственно, мой рассказ можно начинать отсюда, потому что перевезти икону из Москвы в Казань было поручено моему мужу, отцу Владимиру, о чем он мне там, на конференции, и напомнил.

Я смутно покопалась в памяти: да, действительно, он когда-то рассказывал мне об этой поездке. Я попросила его повторить свою историю, тем более, в свете услышанного мной, она выглядела куда более экстравагантной. К тому же на конференции выступал отец иезуит из Рима, который показал фильм о том, как католики передают икону нашему патриарху, и ее там можно увидеть во всех ее достоинствах и украшениях.

Итак, в один прекрасный день 2004 года владыка вызвал к себе ничего не подозревающего отца Владимира и вручил ему огромную зеленую гляцевую коробку с патриаршим гербом, какие выпускают в Софрино, со словами:

– Мы с тобой поедem в Казань, а ты повезешь эту икону и теперь полностью за нее отвечаешь. Не отходи от нее ни на шаг, не выпускай из рук, пусть она ежеминутно будет при тебе.

Отец Владимир, что называется, и ухом не повел: он часто тогда ездил по епархиям и с патриархом, и с митрополитами, которые брали с собой иконы в качестве подарков тамошним архиереям или наместникам. Софринская коробка лишь подтверждала эту обычную практику.

– Хорошо, владыка, – кивнул в знак согласия отец Владимир.

– Ты запомнил? Глаз с нее не своди!

– А если мне отлучиться надо будет – в ванную, например? – Отец Владимир попробовал пошутить.

– Иди с ней! Всюду носи с собой! – строго заключил владыка.

Отец Владимир поднял коробку с иконой – она была довольно большая и тяжелая, нести надо было ее двумя руками, но он тогда подумал: «Что ж, придется выполнять благословение».

Ему и его водителю Сергею с трудом удалось поместить икону в машину – небольшой их «мицубиси лансер» явно не был рассчитан на такой объемный груз, однако сдвинули передние сиденья, захлопнули двери и выехали из Москвы в Казань.

Через два дня в Казани появился и владыка. Первым делом он вызвал отца Владимира к себе. Тот и пришел.

– А где икона? – набросился на него владыка.

– У меня в номере...

– Я тебе говорил, чтобы ты ни на минуту не расставался с ней? Это же знаешь, что за икона? Ватиканский список! Подарок Папы Римского!

И тут только отец Владимир понял причину таких волнений владыки: так это та самая икона!

– Вот что, сегодня вечером мы поплывем на остров, в Свяжский монастырь, икону придется взять с собой, – сказал владыка.

– Может, оставим ее под надежной охраной?

– Нет. Она постоянно должна быть перед моими глазами.

– Поплывем? Владыка, но это же опасно: вдруг катер наш потонет, мы-то с вами ладно, а вот как же тогда икона.

Владыка задумался и ответил:

– Хорошо, тогда мы медленно поплывем.

Сказано – сделано. Отец Владимир с иконой и владыка сели на быстроходный катер и вскоре приплыли в Свяжский монастырь, где настоятелем тогда был тот самый игумен Кирилл (Коровин), с которым они паломничали на гору Афон. Друзья встретились, и отец Кирилл, глядя на коробку, которую неизменно держал перед собой отец Владимир, сказал:

– Слушай, а давай хоть посмотрим, что за икона такая. А то ты все с коробкой да с коробкой.

Действительно, как обидно – все время таскать на себе этот картонный параллелепипед, а так и не прикоснуться к чудотворной иконе внутри. И они прошли в игуменскую келью и бережно вынули из большой коробки другую – чуть поменьше. Из той – третью, а четвертая оказалась последней, и перед ними появилась эта благословенная икона в драгоценном

окладе. Они приложились к ней, взяли ее в руки и с ней сфотографировались. После чего так же бережно уложили в одну коробку, потом в другую, и так, пока упаковка не приобрела первоначальный вид.

– И что? – воскликнула я, услышав эту историю во второй раз, уже после увиденного фильма и услышанных докладов. – Ты хочешь сказать, что был единственным охранником драгоценной иконы, стоимостью в десятки, может быть, и сотни миллионов долларов? Что вы с водителем Сергеем на стареньком «мицубиси» провезли ее по российским дорогам длиной более чем в семьсот километров? Что она хранилась у тебя в гостиничном номере? Что она вот так запросто у тебя на руках передвигалась по Казани и окрестностям? Икона, украшенная шестьюстами шестьюдесятью тремя алмазами в восемьдесят карат, ста пятьюдесятью восемью бирманскими рубинами в тридцать пять карат из сокровищницы чуть ли не Али-Бабы, тридцатью двумя изумрудами в двести двадцать карат – из изумрудных шахт самого царя Соломона? Икона, которую содержали в банковских сейфах, сопровождали дюжие вооруженные охранники в бронжилетах и пристегивали в стальных кейсах наручниками к запястьям, была при тебе во время твоего завтрака со «шведским столом» и твоего сна за тонкой дверью, открывающейся магнитным ключом? И это когда у нас убивают из-за тысячи рублей, из-за грошовеньких сережек, золотой цепочки и мобильника?

– Да, – кивнул он. – Поразительно, но это я только сейчас осознал в полной мере. А тогда думал лишь о духовной ценности этой иконы, сначала предположительно подарочной, может быть, даже софринской, а потом – этой. Может быть, неведение меня и оградило от ужасных страхов.

Я аж покрылась испариной, испугавшись за моего мужа задним числом и прокрутив события на двенадцать лет назад. «Боже мой! – только и подумала я. – Как же часто мы сами не понимаем, от чего ограждает и избавляет нас Господь!»

А меж тем хор на крестном ходе уже запел, а народ подхватил, так что небо и земля огласились молитвой: «Заступница усердная», так что не было никакого сомнения, что Пресвятая Богородица слышит, видит и милостиво принимает этот словесный дар.

«Чудо! Чудо!»

Несколько лет назад я была ужасно обеспокоена состоянием моей старшей дочери Александрины: в будние дни она работала во французском лицее, а каждую субботу взяла за правило вставать в четыре утра и уже в половине пятого садиться за руль и мчаться куда-то вглубь России. Она объясняла это какой-то внутренней потребностью, почти физической жаждой красоты и, как свидетельство этому, привозила из своих двухдневных путешествий то удивительные, сделанные ею фотографии храмов, пейзажей, закатов, рассветов, небес, облаков, то собственные картины, написанные маслом.

В одной из таких поездок она попала в Вязники, где зашла в храм, завернула на кладбище и, удивленная, остановилась перед могилой: на кресте было написано имя усопшего – диакон Петр Михайлович Вигилянский, 1872–1932.

Поскольку фамилия эта очень редкая, она почувствовала невероятное волнение, ведь этот отец Петр мог оказаться нашим родственником!

Она решила все разузнать и начала поиски свидетельств о нем и его жизни. Кое-какие тоненькие ниточки отыскались в интернете, и она ухватилась за них. Теперь уже она уезжала по субботам туда, где вдруг возникала надежда, которая могла бы осветить прошлое, связанное с нашими предками.

Но меня поражали, а может быть, и пугали ее воодушевление, решимость и упорство, с каким она принялась за дело, словно исполняя некое должностное. Это и казалось мне иррациональным и избыточным.

Согласитесь, при двух детях работать каждый день по восемь-десять часов, а потом выходные дни проводить в машине, покрывая сотни и сотни километров и ночуя где придется, будучи хрупким и нежным существом, питающимся «акридами и диким медом», – это ли не серьезный повод для беспокойства со стороны близких?

Наконец она приехала ко мне и рассказала, что, хотя ей не удалось установить родство с диаконом Петром, но зато в процессе поисков она познакомилась с потрясающими людьми, в том числе и с потомками этого Вигилянского, и поняла из их рассуждений, что прямых предков нашей семьи, скорее всего, надо искать по Волге – в Симбирске, в Самаре, в Нижнем Новгороде, где-то там.

Слава Богу, настало лето, каникулы, и Александрина уехала с детьми в Крым, где попыталась связаться со своей предполагаемой дальней родственницей из Нижегородской епархии. Та откликнулась и заверила, что у нее есть сведения об истории рода Вигилянских и породнившихся с ними фамилий. Поэтому из Крыма Александрина направилась напрямик туда, в Нижегородскую епархию, к ней и неожиданно для себя, совершенно случайно, попала на большой церковный праздник в селе Бортсурманы, где чествовали обретение мощей святого праведного Алексия Бортсурманского.

На праздник приехал митрополит Нижегородский Георгий и с ним три епископа, множество духовенства и церковного народа. Появилась там и эта наша дальняя родственница, которая показала Александрине генеалогическое древо, тщательно ею вычерченное.

Выяснилось, что внука (или дочка) святого праведного Алексия вышла замуж за Павла Вигилянского, который тоже стал священником. Он родил сына Алексея, тот также принял сан. Далее Алексей родил Ольгу. Ольга родила Дмитрия, Дмитрий родил Николая, а уж Николай родил Владимира: отца Владимира, папу Александрины!

Какое же это было чудо! И какими незримыми, но верными путями Господь привел нашу дочь напрямик – день в день и час в час – на праздник в честь ее святого предка!

Она купила его иконы и книжки «Святой праведный Алексей Бортсурманский, чудотворец: канон, акафист, житие», которые и привезла нам. Потрясенные, мы слушали ее рассказ. Все это надо было вместить в себя и осмыслить.

Первым делом мы прочитали канон святому Алексею, приложились к его иконе и стали перебирать многие необъяснимые случаи в жизни нашего рода и семьи, которые можно назвать чудесными и которые, как теперь можно было предположить, происходили, возможно, не без участия праведного чудотворца.

Отец Владимир напомнил нам о чудесном спасении своего отца – Николая Дмитриевича Вигилянского, когда тот умирал от язвенной болезни в лагерной больнице в Воркуте...

О святом праведном Алексие Бортсурманском, чудотворце (1762–1848), мы никогда до этого не слышали... Может быть, потому, что он два века оставался местночтимым святым. Несмотря на то что документы на его канонизацию были поданы в 1913 году, канонизирован он был лишь в 2000-м. Такая отсрочка может объясняться историческими причинами – мировая война, Октябрьский переворот, советская безбожная власть... А меж тем это удивительный святой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.